

И. СОТНИКОВ

**ИЗ НАЙДЕННЫХ
ХРОНИК ОДНОГО
ЗАСЕДАНИЯ.**

Разброд и шатания.

И. Сотников
**Из найденных хроник одного
заседания. Разброд и шатания**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36330712

ISBN 9785449328120

Аннотация

К чему может привести иллюзорный взгляд на мир. А к чему может не привести взгляд на него без иллюзий. В этом и попробуют разобраться два друга, отправившихся в Большой город, искать пропавшую подругу, у которой есть для этого всё – кольцо иллюзии и правды.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	36
Глава 3	68
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Из найденных хроник одного заседания Разброд и шатания

И. Сотников

© И. Сотников, 2018

ISBN 978-5-4493-2812-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Аналитический мозг.

Время собирать камни, – вы, конечно, понимаете, что это не в коем случае не касается камней в почках, хотя некоторая временная связь с происходящим прослеживается, – почему-то всегда приходит именно тогда, когда ты этого, не только пребывая в беззаботности, не ждёшь, а совершенно не готов к такого рода временному событию. Да и тем более ты никогда не был склонен к какому-нибудь накопительству, и если уж быть предельно честным, то скорее придерживался обратной, расточительной точки зрения на себя и на свои отношения с окружающим миром, а тут такие, прямо-таки безапелляционные претензии. Да и вообще, кто, даже не испросив у тебя на то твоего позволения и, не поинтересовавшись обстоятельствами твоей жизни, решил за тебя, что вот, с сегодняшнего утра, для тебя как раз и настало именно это время.

А ведь быть может, именно эти самые обстоятельства жизни, когда ты остался не просто только один, а с опустошённой душой, как раз не способствуют всем этим сборам, да хотя бы по тому, что после вчерашней попытки замирииться с новой действительностью и состоянием души в ресторане, для начала нужно прийти и обнаружить самого себя. Хотя

в этом всё же что-то есть от сборов этих камней, где твоя голова в данный исторический для тебя момент, по своей внутренней консистенции, ничем не лучше, не хуже, а просто не отличишь от любого рода застывших в однородности материи камней.

– А что такое камень, как не природный минерал, или однородное природное тело, характеризующееся своими свойствами... Я что. С ума схожу? – с надеждой поставил знак вопроса в своём рассуждении Тиша, после чего собрался с тем, что есть, и открыл глаза, чтобы ...Для начала хватит и проверки их работоспособности. Что при некоторых ситуациях, – а сейчас отношение Тиши к миру и его места в нём, определённо вписывалось в категорию некоторых ситуаций, – весьма не помешает сделать.

После обнаружения того, что глаза частично (они только открылись, а вот говорить о том, что они дальше себя что-то видели, то это было бы преждевременным утверждением) не подвели, чего про них точно нельзя сказать насчёт вчерашнего вечера, – их вечная тяга к знаниям и любопытство, и всё это в подкреплении ослабления за ними контроля со стороны Тиши, чуть (а это неприемлемо) было не завели его в некоторые двусмысленные отношения, а именно в тупик одного из тёмных помещений ресторана, с некоторыми лицами женского пола, – Тиша, будучи натурой более чем оптимистически настроенной к окружающему миру и к его представительницам, нежели они к нему, да и к тому же при

такой жажде во всём организме, пусть стакан с водой будет лучше наполовину полон, чем пуст, что уже облегчает, начал с позитивного осмысления этого мира.

Так он осмотрелся в одну сторону, туда, куда его голова смотрела (после того, как его глаза наткнулись на непредусмотренное памятью препятствие в виде какой-то темноты, его глаза, закрывшись, смотрели глубоко внутрь себя), и вслед за этим сказав: «М-да», – тем самым присоединился к мнению создателя этого мира, который в своё время сказал: «И это хорошо».

Впрочем, то, что Тиша был таким большим единомышленником с творцом всего и вся, не отменяло того, что он иногда поступал вопреки его замыслам, а иногда даже свои поступки корректировал по суеверным соображениям. Так и сейчас Тиша, не желая подвергать себя лишним испытаниям и бедам, а такого рода события он определённо на профессиональном уровне умел притягивать к себе, решил, что сегодня с самого первого шага, будет себя вести осмысленно и без предварительного анализа своих действий, не сделает этого шага.

– Точно. Как терминатор, составлю в своей голове различные таблицы и графики анализа окружающей обстановки и на основании их буду действовать. – Обрадовался Тиша, включив для начала внутреннюю систему обработки внутренних данных под названием «самоанализ». Который после

мгновенной самооценки состояния Тиши, пришёл к не очень утешительным для него результатам – во всём организме обнаружена частичная телесная и душевная интоксикация, полу критическое обезвоживание, многочисленные ушибы и раны во всех частях тела, сдавленность и частичное онемение правой ноги, и неповоротливость затуманенной всякими глупостями головы.

– Что ж, так всегда бывает, когда ищешь утешение на стороне. – На основании полученных данных сделал для себя вывод Тиша, который всегда был самокритичен и не пытался переложить ответственность за свои поступки на внешние, непреодолимой силы обстоятельства. – Но почему-то никогда не находишь. – Несколько удручённо пробормотал Тиша, на одно лишь мгновение, при воспоминании своей когда-то, а сейчас чужой Анни, позволив себе отступление от своих жизненных принципов, с нетерпением относящихся к унынию. После чего он свой, сконцентрированный, с фигуральным лазерным наведением на предмет рассмотрения взгляд, с неизменной красной точкой в зрачках, переводит из дальнего прошлого на Анни чуть ближе, на вчерашние встреченные им в ресторане «утешения» своего опустошённого состояния души.

Где первое из утешений, – выхолощенный высокомери-ем и своей исключительной избранностью фортуной, то есть деньгами, тип у которого своего ничего нет, и всё на нём и в нём от кого-то, – слишком уж быстро сползло под стол,

тем самым уклонившись от противостояния с Тишей по поводу своих различных взглядов на окружающий мир и его ценностей. А ведь, судя по виду этого типа, набитого внешними атрибутами богатства по самое не хочу, то ценностей у него было даже с избытком. Правда у Тиши в руках находился не менее существенный аргумент – бутылка – и он, заявив этому хозяину жизни, что всё это пустое, в один удар по его голове пустой бутылкой, расположил его соседок по столу, довольно милых дам, к себе, а его под стол, к ним в ноги.

Ну а это (милые и такие забывчивые дамы) второе утешение, почему-то не только не отвлекло Тишу от себя и от той, о ком он всё последнее время думал, а ещё больше привлекло его внимание к ней, что поспособствовало его увлечённому злоупотреблению слов: «И эта опять пустая», – с сопутствующими возникновению этих характеристик действиями, и последующим погружением в себя.

Когда же всё-таки им была предпринята попытка одуматься, чему поспособствовала улыбка одной из привлекательных особ, которая привлекла его внимание, а затем за собой в темноту лабиринта ходов подсобных помещений, то он только и успел понять, что она его сейчас точно заведёт в такой тупик отношений с действительностью, что выход из него будет только один. Правда, каким этот выход должен быть, Тиша так и не успел понять, что не отменяет того, что он его всё-таки отыскал, раз сейчас находился не в лабирин-

те у Минотавра, а у себя дома.

– Бывают такие моменты, когда нужно довериться подсознанию, и оно тебя не подведёт и обязательно выведет. – Подытожил результаты своего вчерашнего выхода и связанных с ним выходов Тиша. Но почему-то это его совсем не обрадовало, и Тиша, что даже неожиданно стало для него самого, вдруг нервно взорвался: «Да кого я хочу обмануть?!», – и тут же попытался подскочить вверх. Но ограничение в виде нижней поверхности кровати, под которой, по какому-то невероятному стечению обстоятельств оказался Тиша, через его ударившуюся голову, быстро остудило эту его порывистость. Что заставило его пересмотреть свои резкие взгляды на мир, и вернуться назад.

Вернувшись же в прежнее положение, Тиша, из-за ограниченности пространства в котором он находился, ограничился мысленным почёсыванием ударившейся головы. Что, тем не менее, не отбило у него охоту с прискорбием выражать глубокую озабоченность собой.

– Всё, от и до, придумано, и если я в чём-то и был герой, так это в своей самоотверженности, с которой налегал на вызывающие забвение напитки. И даже их злоупотребления, мне не хватило, чтобы быть тем, кем в своих фантазиях всегда пребываю. – Запричитал Тиша, вспомнив того хлыща за соседним столом, которого он только в своём воображении отправил отсыпаться под стол, когда на самом деле, тот надсмехаясь над ним, в итоге и отправил его прохладиться

от закипания мозга под кровать. Где Тише все эти его память-ливые накопления и неосуществимые желания, сошедшись в одно единое, сон, в результате и выдали ему в свет всю эту картинку его геройства, которого не было.

Но не это больше всего омрачило Тишу, а осознание себя непричастным к необычным людям человеком, подвергло его осомнению своего я и своего места в мире. – Под кроватью. – Несдержанно усмехнулся приметливый Тиша, но тут же покори́л себя и стал серьёзным. Ну а как только стал серьёзным, то вот тут-то и началось его самобичевание.

– Но почему, всё так обычно и предсказуемо происходит. – Запричитал Тиша и тут же параллельно этому ходу своих мыслей, своей надстройкой подумал, что в чём-то близок к религиозным фанатикам, раз использует в своём лексиконе столько самобичующих слов. – А ну, серьёзней! – сам себя в очередной раз укорил Тиша, и продолжил развивать свою основную мысль. – Если корабль любви потерпел крушение, а лоцманшу перестал устраивать сам капитан корабля, а не как она, прикрываясь заботой о его чувствах, заявляет об изменчивости характера обстоятельств жизни, – «Знаю я какого характера эти обстоятельства жизни. Все они кроются в чёрной пиратской бороде Френка Дрейка с Уолл-Стрита. – Вновь в основной ход размышлений Тиши вмешалась его надстройка. Правда, на этот раз он без окрика вернулся к прежней мысли. Ему для этого хватило того, что он почувствовал, что нахождение здесь под кроватью, бук-

важно способствует его росту бороды», – то капитан проявляет себя, как всякий обычный человек. Он припадает к бутылке, или к другого рода сомнительным отвлечениям. А это говорит о том... – Тиша даже в своих мыслях замолчал, не решаясь озвучить то, что это значит.

Но у Тиши нет совсем сил умалчивать то, что всё это значит, и он с болью в душе, вынужден признать эту очевидность. – Так я может быть, самый обычный, ничем не отличающийся от других людей человек. – Тиша открывает глаза, смотрит на находящуюся перед собой нижнюю сторону кровати, чей вид может попытаться оспорить эти его такие больные для него откровения, но не пытается. При этом Тиша, в деле самого себя, никогда не ограничивается полумерами и он всегда в своём изобличении идёт до конца. – Да-да, самый обычный, обычный человек! Всего-то уснувший в самом обычном для необычного состояния месте, под диваном. – Чуть ли не беснуется, крича это Тиша. А ведь такие вещи, даже от себя слышать невыносимо и терпеть нет сил и, наверное, кого другого, уже давно бы загнало в самый угол, но не Тишу, готового идти дальше.

– А это мой потолок. И не только физический, но и пределов моего сознания, выше которого мне никогда не подняться. – Тиша от мысленного отчаяния не сдержался и треснул сжавшейся в кулак рукой по дну кровати. И хотя от удара рукой об деревянное полотно, Тиша кроме физической боли на первом этапе ничего не ощутил, всё же когда он сопрово-

дил эти действиями отборными словосочетаниями, ему почему-то стало легче. И не только потому, что его мысли и организм очистился от нехорошего, но и оттого, что это навело его на дающую надежду мысль.

– Интересно получается. Анни всегда жаловалась на то, что эта, только совсем недавно купленная кровать, так нещадно скрипит, что не даёт ей сна и покоя. Тогда как я ничего такого за ней (за кроватью) не замечал, даже при совместном с Анни опробовании этой кровати. Она тогда ещё смело шутила, что кровать умалчивает эти свои скрипучие достоинства в его присутствии, а всё потому, что мол, она, кровать, как и всякая особа женского рода, не привыкла жаловаться в чужеродные мужские уши. А вот когда она остаётся с ней наедине, то кровать ведёт себя не столь покладисто, и прямо-таки, – можешь спросить у соседей, – все уши прожужжала своим скрипом и стонами. Так вот оказывается в чём дело! – ахнул от зловещей догадки Тиша и вновь треснул головой об кровать. – А я тогда, как простофиля, смеялся и как маленький ребёнок радовался за Анни, с её-то даром выдумывать такие невероятные, на пустом месте сказки. – «Не на пустом. – Вновь встряло подсознание Тиши. – Свято, или близкое к теплу место, пусто не бывает. – Сделал очередной, сковывающий болью сердце вывод Тиша. – Значит, говоришь, что я тебя совсем не понимаю, в отличие от того пирата „чёрная борода“, Дрейка, у которого и бороды-то нет, а одно название. А ведь ты была права. Я толь-

ко сейчас понял, на чём основано ваше взаимопонимание. – Прикусил до крови губу Тиша».

Но это длится только одно мгновение, – основной болевой удар по сознанию и сердцу Тиши, всё же был смягчён обычными средствами чуть раньше, и у него теперь лишь остались, почему-то только укоры совести за Анни и за себя, – после чего его охватывает какое-то необычное возбуждение, с которым его ход мысли вновь приобретают оптимистический характер.

– А ведь если я, уткнувшись головой в дно кровати, сумел заглянуть, не только поверх неё, ну и куда много дальше, то это как минимум, говорит о том, что это не мой потолок. А это значит... – теперь уже страх перед тем, что можно потерять вновь обрётённую удачу, если её оформишь в слова, заставил Тишу умолчать себя. Что потребовало от него не меньших сил и даже физических отвлечений, чем в первый раз. Так он надув свои щёки, как бы демонстрировал крепость своего молчания.

Когда же самый тяжёлый, первый промежуток времени был выдержан, и Тиша не проронил ни слова, то он приступил к анализу к своего нового положения, которое несмотря на всю свою видимую не изменчивость, за этот небольшой промежуток времени уже два раза, от обычного отчаяния, до необыкновенных высот вдохновения, так кардинально менялось. И чтобы не растерять полученного, то требовалось прямо сейчас всё это зафиксировать.

– Надо всего лишь изменить свою фокусировку и положение для наблюдения за предметом рассмотрения. И тогда тебе откроется многое из того, что до этого было недоступно. А это уже что-то. – Продолжая глядеть перед собой на дно кровати, радовался за себя Тиша, видя между тем не кровать, а нечто такое, что не сильно понравится этому Дрейку, которого не мешало бы познакомить с законом всемирного тяготения, с которым на виселице знакомили большинство пиратов. Правда нынче времена другие, более жестокие и поэтому Дрейку придётся запастись терпением, чтобы пережить свои нетерпения, к которым он не склонен по отношению только к самому себе. – Любишь кататься, люби и саночки возить. – На этой завершающей фразе, оставив покое Дрейка, Тиша, вернулся к себе под кровать, где постепенно становится не столь уютно.

– Ну а теперь, как говорится, перейдём от общего к частному. – Сказал Тиша, почувствовав нетерпение своей занемевшей правой ноги, у которой уже не осталось сил продлевать своё придавленное тумбочкой положение. С чем, с желанием разобраться и понять причины создавшегося положения, Тиша окидывает взглядом то положение, в котором оказался весь он и в частности нога, придавленная тумбочкой, которая непонятно каким образом подвернулась ему на ногу (а что непонятно-то. Просто ноги Тиши, в отличие от самого него, с его центром принятия решений, природы более свободолобивые. И их не устроило такая ограничен-

ность нахождения в пространстве, где даже себя не согнёшь в коленках. Вот они и вытянули себя из под кровати. А там на свою беду, на их пути стояла тумбочка, которая не совладала с натиском и с тем упорством, с каким по ним молотили ноги Тиши, и в результате пала, в том числе и на ноги Тиши).

Что ж, беглый осмотр подсказывает, что то положение, в котором оказалась нога Тиши, только на её чувственное усмотрение кажется столь затруднительным. А так стоило только Тише поднапрячься и дёрнуть на себя резко ногу, то она всё, вытащена из тисков этой мебельной продукции. Ну а первый успех окрыляет, и Тиша теперь готов ставить перед собой куда более глобальные цели, например, вылезти из под кровати, достичь кухни и там из под крана хлебнуть столько воды, сколько влезет.

– А я впечатлён своей вчерашней храбростью, спать без одеяла на голом полу. – Не став слушать своё консервативное подсознание, заявившее: «А разве то, что ты использовал кровать вместо одеяла, не в счёт», – улыбнулся Тиша, после очередного подведения нового блока полученных данных о своём положении в пространстве комнаты. Где его нахождение на полу, а не на кровати, яростно говорило о его стремлении к независимости от внешних атрибутов жизни, который через свой комфорт настаивают на его пассивном отношении к жизни, и заглушают его потенциал борца и стремление всё изменить.

– Да. Это однозначно был вызов системе. – Сделал про-

межуточный вывод Тиша, теперь только поняв, что в борьбе с системой, без слома её элементов, где многие из них маскируются под ничего не значащие, случайные, как та же тумбочка, части окружающего мира, никак не обойтись. И не успел Тиша наполниться ощущением своей необходимости, как система наносит ему свой контрудар со стороны имеющей своё должное место и связи в области его телесности, пятой колонны, которой руководит его животное я.

– А с чего это ты решил проявить такое недовольство сложившейся системой взаимоотношений с внешним миром? – вместе с недовольным урчанием живота, до Тиши с какой-то поддёвкой, доносится этот, с намёком на некоторые предшествующие этому событию обстоятельства, вопрос. Мол, тебе ещё совсем недавно, вместе с Анни всё устраивало, а сейчас, как её только не стало, так ты, латентный подкаблучник, почувствовав свободу, вот и принялся беситься.

Но Тиша больше не собирается вступать в дискуссии, тем более с тем, кого он как облупленного, со всеми слабостями в доказательной базе знает, с самим собой и, прикрыв глаза, делает обратный перекал из под кровати на свободную от кроватных ограничений поверхность гостиной.

– Вот это другое дело. – Таким образом поздравляет себя Тиша с первоначально поставленной и выполненной задачей. – А у нас в гостиной неожиданно более светло, чем ранее виделось. – Проговорил вслух Тиша, поняв, что его новая система фиксирования мира, которая есть контрси-

стема существующей и поддерживающей мировой порядок системе, вполне работает. После чего он себя резко поднимает на ноги и вот тут-то понимает, что резкие переходы из одного положения в другое, не всегда оправданы и если уж собрался изменить своё положение в пространстве, то используй промежуточные станции назначения. А иначе, это тебя приведёт к головокружению и падению. И хорошо, что на этот раз на кровать, а не рядом на пол.

– Вот чёрт. – Ахнул Тиша вместе с головокружением увалившись на кровать. Где ему бы не помешало поваляться и восстановить свои по растраченные силы, но он спиной чувствует какой-то дискомфорт, который ему внушают под кроватные мысли насчёт присутствия здесь пирата Дрейка, и этого хватает Тише, чтобы для начала хотя бы присесть. После чего Тиша с удивлением обнаруживает, что в его квартире началось удивительное природное явление из звездопада мерцающих звёздочек, а это хоть и красиво, но настораживает Тишу, не понаслышке знающего, куда этот звездопад может привести. – Надо срочно что-нибудь от головы принять. – Приходит к выводу Тиша и переводит свой взгляд в сторону шкафа, где на полке всегда стояла пластмассовая коробка, выполняющая роль аптечки.

Но сейчас её на месте нет, да и к тому дверка шкафа раскрыта и из неё торчат уши чьёго-то несанкционированного хозяином квартиры вмешательства – всё перевернуто вверх дном. Что в какое другое время, вызвало бы массу вопросов

у Тиши, и его рука даже бы рефлекторно потянулась к трубке телефона, чтобы ею вооружиться против грабителей, но сейчас его волновало лишь только одно. – Куда подевалась аптечка? – головной болью по вискам отдался этот вопрос Тиши к себе, заставив его сжать голову руками, чтобы она сама по себе не раскололась.

И видимо полагаться на свою пропашную память, в данном случае было бесперспективной затеей, раз Тиша не стал ломать свою голову, а только придержав её для успокоения, обратился взглядом обратно в сторону шкафа, где ранее находилась аптечка. И хотя её на месте по прежнему не было, несмотря на огромное желание Тиши обратного, всё же у него появилась определённая надежда на то, чтобы её отыскать – он заметил, что рядом со шкафом на полу валяются бинты, которые скорей всего вывалились из аптечки, когда её раскрыл грабитель, для того чтобы убедиться в ценности находки.

– А чем его мои бинты не устроили? По мне так, вполне необходимая вещь, особенно после того, как я этому зажавшемуся грабителю нос сломаю. – вполне разумно рассудил Тиша, видя до какой степени деградировали грабители, предпочитая жить одним днём и совершенно перестав заглядывать в будущее. Но дальше сломанного носа Тиша не пошёл, а всё потому, что он заметил, до чего же этот грабитель рассеянный тип, раз он по пути на выход из комнаты, поронял из аптечки тубики с мазями и ещё что-то в этом ро-

де. А такое халатное отношение грабителя к чужим вещам, надо честно признать, вполне свойственно всем грабителям, которые обоими руками за свободное перемещение имущества в пространстве и между собственниками, но не это главное, а то, что оно даёт Тише надежду на то, что вслед за бинтами и всеми этим мазями, он выронил и так ему необходимые таблетки от головы.

И Тиша, воспылав надеждой и заодно жаждой, которая вновь дала о себе знать, сконцентрировал на себе всё внимание, и с повышенными мерами безопасности, выдвинулся по направлению кухни, куда, судя по вывалившимся на пол из аптечки её содержимого, и проследовал в своё время грабитель, чтобы там, в спокойной обстановке (Тиша там под кроватью ворчал во сне и крутился), разобрать содержимое аптечки и, выбрав для себя самое необходимое, чайком запить. Все знают, что грабители вынуждены работать в самое ненастное время и непогоду, а это, как бы они не храбрились своим железным здоровьем, со временем подтачивает его, и они нуждаются в классифицированной помощи и лекарствах. И если с первым, в виду их принципиального подхода к жизни – отрицания любого вмешательства в их незаконную жизнь законных институтов власти – не могло быть речи, то насчёт лекарств, то тут-то аптечка Тиши оказалась к месту и ко времени.

При этом грабитель тишиной аптечки, оказался на удивление зловредным, избирательным и изобретательным ти-

пом. Что и обнаружил за ним или вернее сказать, посредством того бардака, который он устроил на кухонном столе, заметил Тиша, оказавшись там, приведённый по следам рассеянности этого таинственного грабителя.

– Вот же, паразит! – очень метко подметил за этим грабителем Тиша, который из-за своей зловредности не ограничился тем, что и так всё без спросу берёт, но и ведёт себя прямо-таки как дома, нарушая ранее установленные хозяйном правила и вещи, которые этот грабитель не только местами пододвинул и переставил, но и как в случае со стульями – все их поронял.

При этом Тиша понимает, что уже поздно так сокрушаться по поводу неисправимости некоторых людей, да и ему не до этого сейчас. И Тиша не обращая внимания на весь этот бардак, подходит к столу, на котором им своевременно примечена коробка служившая в качестве аптечки, и начинает судорожно перебирать остатки её содержимого. Но как Тишей заранее почему-то подспудно чувствовалось, то там ничего нужного ему нет.

– Но я же отлично помню, что были. – В нервной отчаянности возмутился Тиша, явно подозревая того избирательного грабителя, который всё оставил не тронутым, а вот средства от головы избирательно похитил. Что с его-то Тишиной дрожью в руках и импульсацией вен на лбу, вполне нормальная реакция. Правда такая его уверенность в надёжности своей памяти, не может не вызывать сомнений, хотя,

наверное Тиша, просто поспешил, решив, выдать желаемое за действительное.

Но криком, даже на себя, делу не поможешь, и Тиша решает немедленно припасть к водопроводному крану, вода из которого, хотя бы остудит его пыл. Что только отчасти так, когда от второй части, то от этого ему становится муторно и вызывает тошноту. С которой справляться, конечно, лучше в одиночестве и не на кухне, но Тиша вдруг неожиданно замечает на разделочном столе нечто, и это останавливает его стоять на месте, и перебарывать это грозящее вылиться наружу внутреннее возмущение против самого себя и своего возмутительного вчерашнего поведения.

А видит он два стоящих на разделочном столе подарочных футляра из-под колец, которым не только здесь не место, но и откуда они тут взялись, если он уже и не помнит, когда их последний раз видел; и что прискорбно, но и дарил. Правда с Тишей не всё ещё потеряно, если он сумел-таки узнать эти знаковые футляры. Почему знаковые? Да хотя бы по тому, что они что-то да значили для обеих сторон дарения, – дарителя и отблагодарённой, – ну и заодно, приобретались по знаковому случаю – несколько месяцев назад на церемонию предложения его, Тиши, руки и сердца. Ну а то, что футляры оказались разного цвета, – один синий, а другой красный, – то разве важна эта странная прихоть Тиши, выбравшего для футляров разные цвета, если на руках не футляры носить.

Хотя всё же, это не совсем объяснение, да и совсем не объяснение их появлению. И чтобы понять, как так случилось, то нужно слегка вернуться назад, в обозримое им прошлое, когда Тиша готовился осчастливить себя и Анни, сделав ей предложение.

И видимо для Тиши, влюблённого в Анни по уши, до забывчивости себя и до самозабвения, а это тоже самое, что и второе, получить от неё положительный ответ, было столь важно и жизненно необходимо, что он для того чтобы повысить свои шансы на успех, взял и не ограничился одним обручальным колечком, прикупив ещё и вон то, уж больно красивое.

Когда же Анни при виде первого колечка, проявила себя натурой неустойчивой и не сдержанной на слово да, то Тиша в тот же момент облегчённо снял напряжение с находящейся в кармане пиджака руки, которая придерживала второй запасной вариант кольца, готового в случае отказа или неподходящего размера первого кольца, заменить его. А вот здесь-то, насчёт неподходящего размера кольца, Тиша всё же проявил некоторую оплошность и недальновидность своих будущих отношений с Анни.

И разве ему не понятно, что если бы купленное им кольцо для Анни, не подошло бы ей, то и другие его попытки сделать её таким образом счастливой, были бы безуспешны. И тут будет глупо уповать на свою забывчивость и дырявую память, которая забыла все те цифры, какие говорила

ему Ани. И когда Тиша довольно изобретательным и хитрым способом, выудил из её уст размеры пальца руки, за между прочим, иносказательно спросив её: «Слушай Анни. А случись мне тебе делать предложение, то на какой физический размер твоего благосостояния, мне нужно будет рассчитывать?», – то ведь Анни всё отлично поняла, к чему клонит этот, такой весь из себя беззаботный на глазах, а в глазах полный растеря, и в ответ сказала именно тот размер для кольца, который только ей и подошёл бы. Что совсем не значит, что он подошёл бы и для вручившего ей кольцо претендента.

Но на этот раз, к огромному счастью всех заинтересованных сторон и лиц, преподнесённое Тишей кольцо пришлось по руке Анни, отчего нервы у Тиши не выдержали и он, забыв обо всём, даже бросился к ней целоваться (перенервничал, вот и растрогался, бывает). Ну а поспешность и на этот раз себя во всей красе показала, вытянув вместе с Тишиной рукой из кармана второе кольцо, которое звонко заявив о себе, на полпути остановило Тишу перед удивлённо выразительным лицом Анни.

– Что это? – спросила Анни Тишу.

– Сейчас всё объясню. – Быстро проговорил Тиша, чья мысль принялась судорожно соображать в поиске сложных объяснений факта его изначальной неуверенности в будущих отношениях с Анни. Правда ему в голову приходили всё больше нехорошие, сбивающие с толку и настроя мысли. – Начало нехорошее. – Осуждающе покачала чем-то там

своим, первая, глубокомысленная мысль. – Да уж. Начинать с объяснений совместную жизнь, никому бы не советовал. – Застудила мозг Тиши вторая, советливая мысль. – Если у тебя есть хоть доля сомнения в ваших будущих отношениях, то может не сомневаться, ты в любом случае их дальнейшего развития, будешь страдать. Просто в одном случае, от ностальгии по ушедшему счастью, а в другом, по его хотя бы временной осуществимости. – Своей нотацией завершила добивание Тиши его здравомыслие.

И вот казалось, что Тиша всё, сник и от него ничего стоящего не услышишь. Но нет. И вот он берёт и яростно орёт на своё здравомыслие: «А я никогда не сомневался!», – а затем больше не слушая советов, забыть или вообще, сказать, что монетка упала, лезет под стол и достаёт оттуда второе кольцо. Которое незамедлительно укладывается на стол перед Анни. Анни же со своей стороны вначале внимательно смотрит на кольцо, переводит свой взгляд на Тишу стоящего в должной позиции, на колене, вглядывается в него и, улыбнувшись, говорит ему. – А про запас колечко, получше оставил. – После чего она берёт второе колечко и надевает его на вторую руку, затем сдвигает руки и оценивающе смотрит на них.

– Ну что скажешь? – спрашивает Тишу Анни, краем глаза поглядывая на него. – Какому отдать предпочтение?

И Тиша нашёл должный ответ на этот вопрос, для которого и понадобились эти два, разного цвета футляры.

– И почему? – не могла не спросить его об этом Анни, и не просто так, а в специально выбранный момент, при свете вечерней Луны, когда и цвета в точности не увидишь, что говорит о том, что она об этом спросила лишь так, к слову – а это полностью противоречит первому, не просто так утверждению, что в свою очередь подтверждает истину – до чего же все эти Анни натуры противоречивые.

Что и говорить, а умеет Анни подобрать для своих вопросов самое, что ни на есть удобное время. И конечно Тиша промолчать не смеет и всю самую горькую правду ей говорит.

– В этом имеется своего рода скрытый символизм. Красный футляр. – Пододвигая к себе лежащий перед ними в ногах на кровати красный футляр, говорит Тиша. – Он символизирует горькую правду реальности, которая откроется тому, кто оденет это кольцо. – Тиша внимательно посмотрел на застывшую в своём внимании к красному футляру Анни. – Синий футляр. – Подтянув к себе второй футляр, заговорил Тиша. – Символизирует блаженную неизвестность иллюзии, в которую впадает носитель этого кольца. – Тиша один за одним открывает оба футляра и, развернув их в сторону Анни, загадочным голосом говорит ей:

– Пришло время выбирать. Делай свой выбор.

Анни в свою очередь неожиданно серьёзна. Хотя может быть, она играет. Но если даже так, то она слишком уж достоверно играет, с таким проникновением в глубины смыс-

лов колец, смотря на них. Что, видимо, начинает тревожить и Тишу, который начинает чувствовать себя забытым. И Тиша решает поторопить Анни. – Если хочешь, то можешь носить оба по переменке. – Сказал Тиша, заставив вздрогнуть Анни, которая в своём увлечении забылась и впала в фантазии, из которых её и вывел голос Тиши.

Очнувшаяся Анни натужно улыбается Тише и говорит ему. – А знаешь, я, пожалуй, так и поступлю. – После чего она берёт в руки футляры, приближает их к себе, внимательно смотрит на кольца и, судя по её вспыхнувшему взгляду, её озаряет идея. Вслед за этим она выскальзывает из под одеяла, разворачивается к Тише лицом к лицу и пристально смотрит ему в глаза. Затем приближается к нему близко, близко, почти касаясь краем носа его носа, и закидывает ему за плечи свои руки.

– А теперь полное внимание ко мне. – Сказала Анни Тише, который не против такого предложения и готов полностью внимать. Правда, тем временем, он, несмотря на заявленную готовность: «Я готов!», – не может не отвлечься на руки Анни, которые что-то там за его спиной делают.

– Можете сильно за себя не беспокоиться. Могу вас заверить, вы находитесь в надёжных руках. – Сказала Анни и не успел Тиша ей что-то сказать в ответ, как она яростно впишась в него губами, утопила его сознание на весь этот поцелуй, который длился как минимум бесконечность, что в приблизительных цифрах значит, сколько себя не помнит,

а в более реальных соответствиях, не знает. О чём Тише, будь он более благоразумным, то есть менее влюблённым малым, следовало бы более основательно подумать, тем более при такого рода взаимоотношениях, всегда существует опасность проспать на работу. Но Тиша даже не собирался прислушиваться к голосу разума, аргументируя всё тем, что он в поезде на работу, если что, выпится.

Но пока такие вопросы кажутся излишними в медовый месяц, где вопросы из обихода общения и из меню просто исключены. Ну а то, что влюблённые время от времени, с минутой на минуту, обращаются друг к другу с одним и тем же вопросом: «Ты меня любишь?», – то это и не вопрос вовсе, а так, всего лишь своя прелюдия к какому-нибудь только им известному продолжению своих отношений.

Хотя всё же Тиша один раз себе позволил небольшое отступление от этих строгих правил этикета влюблённых, спросив Анни о влиянии на неё обручальных колечек, что даже ослеплённого любовью Тишей стало подмечаться.

– Не пори чушь. – Неожиданно зло ответила Анни, приведя Тишу в умственную прострацию – он даже себе представить не мог, что она умеет злиться, а тут такое. Анни же быстро спохватившись, быстро вымаливает прощение у Тиши. Что разве сложно сделать при его-то к ней отношении. Но и забыть почему-то эту её вспышку и косвенную причину её возникновения Тиша так и не смог.

Правда считать, что её перепады настроения связаны

с этим её суеверием, тоже есть своего рода суеверие, и слишком уж лёгкое объяснение для распада такого сложного структурного объекта, практически единого организма под названием «Они», который строился не только на одной единой платформе единого духа, но и включал в себе божественное предназначение со своей любовью, а это такой полноценный ингредиент, что в нём недостающих для объяснения этого мира элементов не обнаружишь. Но этого для них уже не неожиданно хватило, и после молчаливого друг к другу периода отношений, где каждый счёл больше ничем теперь со своим партнёром (а как они смеялись, прочитав это прилизанное, размытое глобалистами обозначение сегодняшних пар, под которое можно было записать кого им будет только угодно) не делиться, а в особенности словами, они так и не делясь своими дальнейшими планами на будущее, исчезли из поля зрения друг друга. И это касалось в первую очередь Анни, в один из самых, само собой ненастных дней, съехавшую от Тиши в неизвестном ему направлении.

– Наверное, так будет лучше. – Сказал то, что и должен был сказать в таком случае, призванный объяснить сложившуюся ситуацию, а на самом деле, своим присутствием на первых порах смирить одинокую действительность Тиши, его друг Глеб.

– Ты так думаешь? – ответно, как и должно, в таких, самых обычных, с кардинальным уклоном случаях расхождения мнений между супругами, выразил сомнение Тиша. На что

следует свой логичный ответ от Глеба: «На, бери и рассказывай». И Тиша сегодня ни в чём не может отказать другу Глебу, взяв протянутую им бутылку пива. После чего он не отказывает ему ещё ни раз, а когда все эти предложения заканчиваются в холодильнике Тиши, то они отправляются туда, где можно обстоятельно ни в чём себе не отказывать. Что, собственно, в конечном счёте и привело Глеба пока не ясно куда, а Тишу вначале под кровать, а сейчас на кухню, где перед его глазами стояли эти два футляра, кем, и не понятно с какой целью вытащенные на свет.

Но, наверное, пока не заглянешь внутрь этих коробочек, так и не поймёшь мотивы того таинственного человека, который так умело озадачил и привёл к полнейшей растерянности Тишу. Правда Тиша со своей стороны не желает быть в чьих-то неизвестных руках послушным орудием, – а тот, кто приготовил для него это загадку, определённо рассчитывал на его любопытство, с которым он полезет открывать футляры, – и поэтому он не спешит тянуть свои руки к футлярам, а делает обзор всего стола, на котором кроме этих футляров могут находиться какие-нибудь подсказки. И этот подход не подвёл Тишу, позволив ему заметить на самом краю стола, чуть ли не свешивающую с него, полностью выжатую пластинку из-под каких-то лекарств – её видимо хотели смести со стола, но она из-за не слишком добросовестного подхода к своим спешным действиям того таинственного загадчика, всё же удержалась сверху стола.

При этом Тише и брать в руки эту пустую пластину в руки не надо, чтобы узнать какого рода лекарства она ранее в себе содержала, он уже догадался, что это то, что его больной голове сейчас для успокоения, как раз и требуется.

Теперь же Тиша, поняв до чего же коварен тот загадочный тип, разозлился в серьёз, и он переводит свой взгляд на футляры и больше не думая, открывает вначале красный футляр – он стоял с более удобной стороны к его рабочей, правой руке.

– Что это ещё? – спросил себя озадаченный Тиша, вытаскивая из футляра бумажный свёрток в виде маленького конвертика. После чего Тиша разворачивает этот свёрток и со всё тем же вопросом удивления, кладёт его на стол. Затем непонимающе смотрит на содержимое конверта, – щепотку белого порошка, – и так до тех пор, пока в его поле зрения не попадает та лежащая на краю стола, пустая пластина из под лекарств. Что наводит его на некую мысль, с которой тут же он открывает второй футляр. Ну, а там внутри, точно такой же бумажный свёрток, внутри которого, точно такой же, по крайней мере с виду, порошок.

И этот порошок, как выясняется Тишей при ближайшем рассмотрении, не есть его первоначальное физическое состояние, а он был получен в результате того, что в него растолкли что-то прежде твёрдое. И Тиша даже не сомневается в том, что послужило сырьём для получения этого порошка. Но вот зачем всё это делать, и чему служат все эти мани-

пуляции с таблетками (а это именно были обезболивающие таблетки, растолчённые в порошок), то это для Тиши полная загадка.

– Нет уж. Методом пробы я не собираюсь искать ответы на свои вопросы. – Как-то горько усмехнулся Тиша, глядя на эти лежащие на столе свёртки. Затем поднимает вверх свои глаза и вдруг на настенном, висящем прямо перед ним кухонном шкафу, натывается на прилепленный к нему бумажный стикер. Конечно, то, что написано на нём, можно прочитать, не снимая с дверки, но почему-то всё на нём написанное расплывается в воспалённых глазах Тиши, и он решает, что будет лучше, если он на них посмотрит, когда они окажутся у него в руках. И Тиша быстро срывает стикер с дверки шкафа, затем присаживается на край обеденного стола и начинает читать написанное на стикере.

«Ты всегда говорил, что именно вера определяет человеческий выбор и единственно реализует его. Так сделай его. Ведь я верю в тебя», – прочитал Тиша написанное. – Это какая-то глупость. – Усмехнулся Тиша, тем не менее, в глубине себя чувствуя, что это далеко не так. И при этом главное, что подтачивало все его уверенности на серьёзность, была надежда (о чём он боится признаться даже самому себе) на то, что именно Анни, так зло с ним пошутила. И что она таким, пока не находящим разумных объяснений способом, хочет его подвести ... А вот к чему, то это тоже для Тиши находится вне пределов его понимания. – Да и вообще, с чего это ты

взял, что это писала она?! – Тиша через нервный крик попытался оспорить все эти предположения у самого себя. Но уже поздно, он понимает, что только отсутствие убедительных аргументов, вынуждает оппонента переходить на крик. А это значит, что всё то, что в Тише придерживалось взглядов надежды на пропажу Анни, начало в нём одерживать вверх. И Тиша чтобы окончательно одержать победу в этом споре, утверждающе заявляет:

– А кто же ещё!

И хотя кроме голословных утверждений, никаких более убедительных доказательств предоставлено не было, – а подчерк на стикере, в виду его написания печатными буквами (почему писавший решил дополнить свой текст ещё этой загадкой, то для Тиши это не представлялось сложным разгадать – здесь существовала прямая взаимосвязь между смыслом послания и писавшим его человеком, с его, без ссылок на авторитет своего имени, верой в Тишу), без каллиграфической экспертизы в данный момент не подходил, – этого было достаточно для Тиши, чтобы немедленно, но только опять же по-своему (видимо у Тиши было что-то от Фомы неверующего, раз он не полностью уверовал в своё верование, что за загадчиком стояла Анни), приступить к доказательству веры в себя.

– Выбор есть выбор, а не та предсказуемость, на которую всегда рассчитывает тот, кто готовит эти загадки. Я знаю, что от меня ждёт этот хитрец. – Улыбнулся Тиша. – Смотри, себя

не обхитри. – Предупреждающе сказал невидимому наблюдателю Тиша, затем вначале взял один пакетик с порошком, принюхался, затем он его убирает, а на его место перемещает второй пакетик. С ним проделывается точно такая же нюхательная операция. После чего он кладётся на стол, а Тиша ещё раз бросает взгляд на пустую упаковку из под таблеток, таинственно улыбается, и на этот раз берёт один пакетик с порошком и пересыпает его в другой.

– Что? Такого варианта не учёл. Ничего, я не боюсь. А вот ты бойся. Того, чтобы составы веществ не нейтрализовали себя, создав новую реальность. – Усмехается в сторону всё того же невидимого наблюдателя Тиша, затем берёт пустой стакан, наполняет его водой, поднимает со стола пакетик с порошком и без какого-либо промедления высыпает его содержимое в рот и всё запивает водой из стакана. После чего Тиша с грохотом ставит на половину выпитый стакан на стол, отчего он даже слегка разливается, а сам, подняв с пола упавший стул, садится на него и созерцательно смотрит на раскрытые футляры.

При этом Тиша мысленно пытается прочувствовать, в какой стадии всасывания сейчас находится поглощённое им вещество. И хотя всё то, что себе сейчас надумал и вслед за этим, как бы ощутил Тиша, по своей сути были его домыслами, всё же это его достаточно сильно увлекло. А наблюдаемые им, несущие в себе определённый смысловой подтекст футляры, тем временем оказывали на него своё воздействие,

генерируя все его мысли в свою специфическую сторону.

– Что, хочешь сказать, что всё то, что сейчас со мной происходит, иллюзия! – улыбнулся Тиша, глядя на синий футляр.

– Ха-ха. А вот твоя напарница, мне говорит совершенно обратное. И кому спрашивается, из вас верить? – Рассмеялся Тиша, и было собрался ... Чего уже не важно, так как неожиданно и главное резко, прозвучавший звонок в дверь, выбивает практически все мысли из головы Тиши. Хотя нет, одна всё-таки осталась. И он, вздрогнув, с этой последней мыслью: «Началось!», – осторожно поднимается со стула, чтобы пойти открыть входную дверь.

Глава 2

Дорожная.

Существует обиходная, настоянная на себялюбии искренность, с которой подходят или вернее будет сказать, с которой смотрят на себя люди, считая, что все их не любят, а то, что они безобразно себя ведут, то это дело не только десятое и второстепенное, но и есть следствие всей этой нелюбви. А так бы они себя даже очень с хорошей стороны себя показали, только дай повод. В общем, так и просят за этих людей их поступки называть их поводливыми, то есть людьми реакцией.

И, наверное, в число этих людей входил и отличный товарищ и друг Тиши Глеб, который и оказался на пороге дома Тиши, когда тот с такой уверенностью на своё что-то придуманное,отреагировал: Началось.

– А, это ты. – С некоторым разочарованием сказал Тиша, обнаружив за дверьми Глеба, а не какого-нибудь мифического агента Смита, который вдруг немедленно прознал об экспериментах с таблетками Тиши, и тут же решил навестить его, чтобы засунуть в него какое-нибудь следящее устройство. Но вместо него, к некоторому сердечному облегчению Тиши, на пороге оказался Глеб, и Тиша даже слегка разочаровался – так всегда бывает, когда ожидаемое не сходится

с реальным.

– А ты кого ждал? – удивился и слегка озлился тронутый таким предпочтением себя незнамо кому Глеб, употребив такой (вполне точный, если посмотреть со стороны на Тишу) эпитет в именовании Тиши. И если бы Глеб не был таким прозорливым человеком, то бы не понял, какую он оплошность вдруг допустил, – Тиша скорей всего, ещё разрывается от сердечных болей, и питает надежду на возвращение Анни, – а поняв, быстро исправляется. – Ладно, извини друг, что это я пришёл. – Что ещё больше запутывает понимание Тиши насчёт того, за место кого пришёл Глеб в таком случае. Но как оказывается, на этом его затруднения в понимании происходящего не заканчиваются, так как Глеб огорошивает его заявлением о его полной готовности.

– К чему? – не скрывая своего удивления, задаётся вопросом Тиша.

– Как это к чему? – теперь уже удивляется Глеб. – К тому, на чём ты вчера так настаивал и ради чего я спозаранку, несмотря на все мои шатания и боли в голове, поднялся и купил нам билеты на дневной поезд. – Заявил Глеб. На что Тиша вот так сразу не бросается его опровергать своим вчерашним невменяемым состоянием, которое одно уже подразумевает не обращать на него большого внимания, правда при этом Тиша также вспоминает, что и Глеб не далеко от него ушёл в своей здравости мысли, – а лучше бы далеко ушёл и тогда бы не случилось всех этих недоразумений, –

а пытается для начала вспомнить, что же такое он там вчера придумал. А вот это почему-то, даже при наличии косвенных подсказок со стороны заявлений Глеба о покупке билетов на поезд, ни к чему не приводят.

– Мы едем её искать. – Вдруг сказал Глеб, не дожидаясь пока Тиша там себе что-то в голове сломает. И сейчас-то Тиша всё и вспомнил, как он с кулаками наготове настаивал на том, чтобы Глеб, как первейший друг, оказал ему помощь в деле мордобития.

– Кого? – налившись кровью, озадачил этим вопросом Глеб Тишу и, недолго думая, что говорит о том, какое большое значение он придаёт их дружбе, сразу схватил за ворот рубахи непонравившегося ему типа за соседним столом, который смел в его присутствии одаривать своими пошлыми взглядами понравившуюся Глебу девчонку.

– Да не его. – Своим ответом Тиша невероятно сильно расстроил Глеба и на время обрадовал того облившегося потом типа. И если насчёт этого типа можно сильно не переживать, Глеб предупредил его о том, что всему своё время, то вот насчёт упомянутого Тишей некоего капитана чёрная борода Дрейка, который стал тем мериллом ценностей для Анни, на которые она повелась, то тут Глеб выразил сомнения: А где мы его найдём?

– Где надо. Там и найдём! – яростно заявил Тиша, с тем же волнением для окружающих ударив по столу кулаком. Ну а такая неумолимость в принятии решений, кого хочешь, по-

двинет на подвиг. Ну а такого яростного защитника семейных ценностей, каким был Глеб, тем более. Правда, он не совсем понял, к чему все эти мистификации со стороны Тиши, употребляющего в обозначении всяких гадов каких-то чёрнобородых пиратов, но потом он обратил внимание на всё того же прилипчивого к его девушке типа, с как выясняется, модной бородкой, и теперь понял-таки, что имел в виду Тиша. – Я ему его козлиную бороду вырву с корнями. – Свирепо посмотрел на этого бородатого типа Глеб и тот всё понял, обмакнув напоследок бородку в бокал с шампанским.

Но всё это дела вчерашних дней, а сейчас в руках Глеба находятся билеты на поезд и, Тише, несмотря даже на не хочу, следует поторапливаться, а иначе Глеб предположит, что он струсил.

– Знаешь, – натягивая на себя джинсы, обратился к развалившемуся в кресле Глебу Тиша, – вчера я был более уверенным в себе. А вот сегодня, я даже не представляю себе, где её искать и имеет ли вообще смысл это делать. – Остановившись на полпути в одной штанине, с надеждой, правда, непонятно на что, посмотрел на Глеба Тиша. Но Глеб даже если он понимает все эти сомнения Тиши, всё равно не собирается отступить от задуманного – вот такой он инерционный человек.

– Ничего. Сейчас в поезде встряхнёшься и всё себе, что нужно представишь. А до чего не хватит разума, то тогда я на что. – Усмехнулся Глеб, открывая жестяную банку во-

ды, которая очень для него кстати завалилась в глубине Тишиного холодильника.

– Это понятно. Но дело в том, что я никогда не выезжал из нашего города. – Сказал Тиша.

– Во как? – удивился Глеб, больше склоняясь к тому, чтобы не поверить в этом Тише.

– Можешь верить, а можешь, нет, а это так. – Резко заявил Тиша, почувствовав, что Глеб только для виду удивился, а на самом деле он ни одному его слову не поверил. – Я предпочитаю жить в тени больших городов, что по своему расположению, вполне подходит для нашего городка. Где ты вроде бы живёшь практически в самом мегаполисе и в тоже время, обособленно от него. А такая близость проживания, как раз и делает неосуществимым сокращение на свой минимум, расстояния от ассоциированного с городком самого себя, до центра всех городов, большого города. И я боюсь, что если я пересеку этот рубеж, то тогда большой город, со своими проблемами войдёт в мою жизнь, и для меня навсегда потеряется некая аура автономности моего существования здесь. – Тиша перевёл дух. – Да и к тому же, я боюсь, что сам быстрее потеряюсь, чем там кого-то смогу отыскать. – Сказал Тиша, продолжая настаивать на одной штанине.

– А вот это брат нехорошо. Особенно всего бояться, – Поднявшись на ноги и, подойдя вплотную к Тише, сказал Глеб, – и так провоцировать даму своего сердца на скуку. Неудивительно, что она убежала от тебя в большой город,

где одни только огни освещения и реклам, стоят того, чтобы на них посмотреть пока молодая. А ты, из-за своих эгоистических побуждений, а может и того больше, неуверенности в себе, взял и запер её в четырёх стенах нашего захолустья, где и показать себя некому. – Глеб, насладившись произведённым эффектом на Тишу, который от изумления выпустил штаны, и они упали вниз на пол, вернулся обратно на кресло и принялся за наполнение себя водой из банки. Тиша же собрался с мыслями, для начала взялся за штаны, а как надел их взялся за Глеба.

– Я тебя понял. – Обратился к Глебу Тиша. – И куда поедем в первую очередь?

– Куда скажешь, туда и поедем. – Дал свой ответ Глеб.

– Значит на Уолл-Стрит. – Немало удивил своим ответом Тиша Глеба, но тот не стал выяснять у Тиши, что тот имел в виду под этим именованием своих мысленных объектов. А всё потому, что у Глеба из его рук до сих пор ещё не выветрилась память о чёрной бородке того типа, который оказался слишком невразумительным типом и его пришлось долго учить уму разуму на задворках ресторана. Из-за чего Глебу впоследствии пришлось разминуться с Тишей и даже с причиной возникших разногласий с этим типом, миловидной девушкой, которая оказалась слишком нетерпеливой и не стала ждать, когда справедливость восторжествует, покинув заведение до прихода в него Глеба. Правда окровавленный вид Глеба, как минимум не способствовал проведе-

нию в жизнь его замыслов, а охраной и вовсе посчитался недопустимым. И он ими, недолго думая, – а надо бы, хотя бы ради обслуживающего их стол официанта, который из-за неоплаченного заказа остался с разбитым сердцем и планами, – был тут же выпровожен за двери ресторана и отправлен самим собой домой.

– Там отыщем того негодяя. А вслед и Анни. – Сказал Тиша, закидывая сумку на плечо. Ну а Глеб, так сказать, не обременён большими нагрузками, у него с собой только его, как он считал, безмерно привлекающая внимание (в каком качестве, он не счёл нужным уточнять, мол, кто видел, тот всё понял и без слов) внешность и он, похлопав себя по карманам пиджака, убедившись, что всё на месте, выдвинулся вслед за Тишей на выход. После чего они, используя общественный транспорт, – надо продышаться и привыкнуть к скоплениям людей, которые вскоре их будут со всех сторон теснить, – добрались до вокзала, где ровно по расписанию, забрались в поданный для посадки вагон.

– Мне необходимо поспать. – Тиша довольно умело аргументировал занятие собой предпочтительного места у окна, куда он, не дав Глебу времени как-то сообразить и воспрепятствовать его эгоистичным действиям, быстро прибился и, натянув на глаза бейсболку, тем самым зафиксировал себя в качестве до смерти скучного собеседника, и безусловно наглеца. И будь на месте Тиши кто другой, то Глеб скорей всего не стерпел бы таких вызовов своей природе человека

любопытствующего, которому жизненно необходимо наполняться знаниями и значит место у окна, по факту наличия в нём этих желаний уже его, и так натянул бы эту бейсболку незнакомому типу у окна, что тому бы в итоге пришлось вызывать спасателей, чтобы извлечь его голову оттуда.

Но раз пока на месте Тиши он сам и, благодаря этому всю использует его дружеские отношения в личных целях, то Глебу ничего не остаётся, как сидеть с краю и искать утешения для себя на стороне, то есть среди временных попутчиков по жизни, пассажиров этого вагона, коим довелось в одно с Глебом время, в одном месте встретиться, и главное, в одном и том же направлении следовать ближайшие два часа.

– А это говорит о многом. – Здраво рассудил Глеб, обводя взглядом рассаживающихся по своим местам пассажиров. – Как минимум о том, что наши мысли направлены в одну и ту же сторону. А такое единодушие, чем не повод для знакомства. – Сделал вывод Глеб, заметив появление в вагоне, все руки в сумках, с огромной на голове, закрывающей лицо шляпой, а на плече что-то объёмное, похожее на мольберт, что косвенно подтверждают выглядывающие деревянные ножки, молодую особу точно, но красивую или уродину пока не ясно, которая грозила вставшим на её пути головам проверкой их на прочность.

– Надо ей помочь. – Было подумал Глеб, как уже среди пассажиров нашёл свой до чего же наглый помощник,

который, не дожидаясь когда по его макушке съездит одна из сумок этой девушки, предусмотрительно предложил ей свои услуги грузчика и, умело перехватив сумки из её рук, всё так ловко для себя, – её сумки на полку, а саму девушку рядом с собой, – устроил, что Глебу только и оставалось, как диву даваться. А ведь быть может, что соседям это бесцеремонного типа по купе, да тому же хлипкому и тухлому с виду сморчку в очках («Наверное, бухгалтер какой-то, – подумал Глеб»), не желается разделять своё общество с этой милой с виду дамой, приятной во всех, опять же с виду отношениях. – О чём это я. – Усмехнулся Глеб, поняв, что слишком увлёкся осуждением того дерзкого типа.

– Вот же ловкач. – Вздохнул про себя Глеб, после чего посчитав, что здесь в этом вагоне действует какая-то странная тормозящая его сознание среда, решил отвлечься на чтение, для чего им была заблаговременно приобретена кое-какая пресса. Куда он и углубился всем собой, чтобы таким образом миновать пределы воздействия на своё сознание этой заточенной на замкнутость среды.

Тем временем Тиша, по разумению Глеба, да и по-своему тоже, должен был уже всюю, если не спать, то предаваться дрёмам, к чему он, в общем-то, и стремился, но всего это с ним не случилось, и всё потому, что всегда найдётся что-то или кто-то, кто по собственному разумению смотрит на этот мир, и в нём совершенно нет места для вашего покоя. Иными словами, этот кто-то, всё делает для того, чтобы вы не усну-

ли. И это даже не тот тип, сидящий напротив, на обращённом к вам лицом ряду кресел, который как только сел на своё место всё не умолкает, болтая с кем-то по телефону (и откуда у него столько денег на телефоне и столько слов в голове помещается), – к этой монотонности уже выработалась привычка, – а вот-то, что чей-то слишком длинный нос, своим невероятным соизмерением не даёт вам себя комфортно, да что там эта комфортность, когда он просто не даёт спокойно чувствовать некоторым людям (и вы уже поняли кому), на которых направлен этот на них указующий перст, то с этим не так уж легко смириться.

И хотя данное обстоятельство объяснения ёрзающего на своём месте поведения Тиши, который не то чтобы уснуть не мог, а чувствовал себя достаточно тревожно, и всё по вине этого направленного в его сторону огромного носа, который возродился вместе с неким типом, который находясь со своим длинным носом на одной стороне, естественно не мог прочувствовать всю ту глубину его вмешательств в личную жизнь людей, на которых он был направлен, покажется не просто пустяшным аргументом, а даже некой приптанутой за уши, а не за нос (ха-ха), отговоркой, всё же это не так.

– Я даже с закрытыми глазами чувствую, что он не сводит с меня своего кончика и свои ноздрями-глазами, так и пытается заглянуть в самые глубины меня. – Терзался мыслями Тиша. И ведь стоило ему на одно только мгновение при-

поднять голову и взглянуть на того странного типа, сидящего у окна в полном одиночестве, – из-за этого на свою беду, Тиша видимо и обратил на него своё внимание (он ещё подумал, интересно, все вокруг места заняты, а этот тип сидит в одиночестве, и чему же это он обязан такому счастью – теперь-то понятно чему), – как в тот же момент натыкался на не сводящий с него своего взгляда этого носа, за чьей длинной и глаз его носителя не было видно.

– Да что же ему от меня надо? – мгновенно прячась за бейсболкой, нервно задавался вопросом Тиша, начав перебирать в голове совершенно не связующие с этим событием вещи. – Просто это после праздничная паранойя. – После небольших умственных злоключений, Тиша всё-таки натолкнулся на вполне подходящую версию для объяснения такого внимания к себе этого носа, который до чего же настойчивый гад, даже при закрытых глазах из головы не выходит. Тогда Тиша решает повнимательней к этому типу, а не только к его носу приглядеться. Для чего Тиша вновь приподымает голову и через узкий прищур глаз, начинает рассматривать этого типа, который, что удивительно, даже отвернув свою голову в сторону окна, всё равно как будто смотрит своим носом на Тишу. И не просто смотрит, а всё примечает за ним и даже делает за ним критические замечания.

– Кого ты решил обмануть. Ха-ха. – Усмехается нос, в смехе покачиваясь вслед за вагоном. – И можешь не делать вид, что спишь, я тебя насквозь вижу и знаю, куда ты едешь, и что

тебя там ждёт.

– И что? – не сдерживается и спрашивает его Тиша, открыв полностью глаза.

– То, что ты не ожидаешь увидеть. – Даёт свой туманный ответ нос. И понятно, что такой его ответ не может устроить Тишу, который нахмурившись в ответ, говорит. – Если тебе нечего сказать, то нечего было меня тревожить.

– Просто я неуверен, нужны ли тебе знания о том, что тебя там по прибытии ждёт. – Почесав себя рукой своего носителя, рассудительно сказал нос.

– Я точно не знаю. Но думаю, что не будут лишними. – Ответил Тиша, слегка успокоившись.

– Может быть и так. – Всё раздумывая о чём-то, проговорил нос. – А знаешь, я, пожалуй, тебе дам, но не сами знания, а ключ к их открытию и пониманию. – Нос сделал паузу и, сосредоточив свой взгляд на Тише, проговорил. – Когда найдёшь её, то, прежде всего обрати внимание на её руки. И ты, я думаю, знаешь, что там искать. – Последние слова носа как-то растеклись в атмосфере, отчего их Тиша плохо услышал, правда он не обратил на это своё внимание, увлечённо глядя на свои руки, на месте которых он видел руки Анни, в тот самый момент, когда она, сведя их вместе, сравнивала надетые на них кольца.

– Ну что скажешь? – спрашивает Тишу Анни, краем глаза поглядывая на него. – Какому отдать предпочтение?

– В котором душа чувствует потребность. – Сейчас отве-

тил Тиша, наблюдая за тем, как более простое колечко, олицетворявшее горькую правду, постепенно растаяло в дымке. – Что ж, это многое что объясняет. – Сделал вывод Тиша. И на этот раз его слова не прошли безответно, и со стороны Глеба, до него донеслось его вопросительное возмущение. – Ты чего там во сне бубнишь? – Тиша вдруг вздрагивает и понимает, что бывшая реальность была не совсем реальность и, пожалуй, нос всё же не смог ему помешать уснуть, хотя и проникнул к нему в подсознание. Хотя может быть, и носа никакого не было, и Тише всё приснилось. Что необходимо срочно проверить, и Тиша, игнорируя внимание к нему Глеба, переводит свой взгляд в ту сторону, в которой по его воззрениям, находился тот тип с носом.

– На месте. – Убедившись, что тип с носом не оставил его с носом, а остался при всём своём интересе к нему и на своём месте, произнёс Тиша, и непонятно почему, облегчённо вздохнул.

– Кто на месте? – окончательно отложив газету на колени, спросил Глеб Тишу.

– Только резко не поворачивайся. – Предусмотрительно сказал Тиша, тем самым для начала тихо предупредив Глеба об ответственности за свои резкие перемещения головой, а как только тот проявил понимание, также тихо ему говорит. – Вон там слева, через два ряда от нас, в одиночестве сидит тип у окна. – Тиша замолчал, а Глеб в свою очередь для видимости зевнул и, воспользовавшись этой маскировкой

под отвлечённого собою человека, быстро посмотрел на указанного Тишей типа. После чего откинулся спиной на сидущку своего места и, стараясь не шевелить губами, прогундосил. – И что в нём особенного?

– А и вправду, а что в нём такого есть особенного? И даже выдающийся нос, это не такая уж деталь интеллекта, которая сама по себе вызывает такой интерес. – Только сейчас задавшись этим вопросом к самому себе, Тиша понял, что и сам того не знает, почему его так заинтересовал этот тип. – А может своим, только в кино про шпионов такой видел, что за удивительный кейс? – И опять только сейчас, Тиша заметил стоящий в ногах этого типа, выполненный в стиле высоких технологий кейс.

– Интересный у него кейс. – Обратил внимание Глеба на кейс Тиша.

– Пожалуй. – Подтвердил Глеб, заметив это переносное устройство в ногах незнакомца.

– Как думаешь, что он в нём везёт? – спросил Тиша, заставив тем самым призадуматься Глеба. Впрочем, ненадолго. – Наверное, что-то важное. – Сказал Глеб после небольшого раздумья. – Для него важное. – Быстро сделал весьма немаловажное уточнение Глеб.

– Это в том случае, если он хозяин кейса. А если он всего лишь его временный держатель, то всё, что находится в кейсе, представляет важность только для его получателей. – Со своей стороны сделал уточнение Тиша.

– Отчасти соглашусь. – Сказал Глеб.

– Интересно, а что такого немаловажного нет в большом городе, в котором по его определению всё есть, что его приходится везти из нашего захудалого городка? – задумчиво задался вопросом Тиша.

– Я бы с этим вопросом лучше обратился к тому прохиндею, чёрной бороде Дрейку, который сразу же нашёл для себя ответ на этот вопрос. – Не раздумывая, дал ответ Глеб и только в конце спохватился, поняв, что взболтнул лишнего. На что он попытался было пойти на попятную, но Тиша остановил его, сказав, что всё так оно и есть. – А знаешь, это навело меня на некоторые мысли. – Сказал Тиша, поглядывая на носатого типа с чемоданом, который видимо заметил, что на него обращают повышенное внимание сии господа и, всполошившись, придвинул свой кейс подальше под сиденье.

– Если предположить, что Анни из двух основных дорог ведущих в большой город, выбрала эту, – отсутствие прав и желание посвящать знакомых с машинами в суть проблем семейной жизни, дают мне основания думать так, – то зная её ход мысли, можно, хоть и с погрешностями, а спрогнозировать последующие её шаги.

– Это в нашем захудалом в плане развлечений городке, я могу с закрытыми глазами найти любого приезжего. А вот в большом городе, это бесполезное занятие. – Сказал Глеб.

– Всё верно. Если ничего не знать об объекте своих по-

исков. Мы же знаем самое главное, цель и имя того, к кому направилась Анни. – С горечью в душе сказал Тиша.

– Ну, это другое дело. – Ответил Глеб. – Только я не пойму одно. Причём тут этот мужик с кейсом.

– Для аллегории. – Усмехнулся Тиша.

– Для какой? – не понял в ответ Глеб.

– Ну он, как мы сообща решили, везёт в своём кейсе из нашего городка что-то очень важное. Для себя или для кого-то, мы пока это ещё не выяснили. Но это для нас не важно, чего правда не скажешь о предмете его доставки. – Тиша остановился и, посмотрев на пытающегося уразуметь его слова Глеба, сказал. – Улавливаешь мысль. – И видимо Глеб поначалу не совсем уразумел то, о чём, кроме кейса ему говорит Тиша, но когда тот сделал такую отсылку к его уму, тот наконец-то понял, что кроме Анни, Тиша ничего более немаловажного из их городка не смог бы впихнуть в этот кейс – и понятно, что только фигурально, а не по частям, как бы того хотели представить, нетерпеливые и ищущие простых ответов люди-натуры.

– Так вот. – Продолжил Тиша. – Было бы интересно посмотреть, куда все эти господа, знатоки больших городов и отношений в них, в первую очередь ведут себя и вместе с собой привезённое ими из маленьких городов, для них всего лишь немаловажное, а для кого-то может бесценное. – Сквозь зубы проговорил Тиша, и Глебу на этот раз не надо объяснять, что имел в виду Тиша. Так что Глеб вполне го-

тов поймать по выходу из поезда этого типа с кейсом и разбить об его голову этот предмет его интерьера. Правда Тиша новым своим вмешательством не даёт развиваться этим отношениям Глеба с этим типом и даёт шанс этому типу с кейсом на здоровый вид лица. – Я думаю, – говорит Тиша, – что спешка это последнее, к чему нам нужно прибегать. И для начала, было бы неплохо адаптироваться к большому городу. В чём нам этот тип и поможет.

– Ты так думаешь? – выразил неуверенность Глеб.

– Стараюсь не пренебрегать всеми вариантами. – Ответил Тиша.

– Ладно. – Согласился Глеб, переведя своё внимание на ту молодую особу с мольбертом – что-то она уж слишком внимательна ко всё тому же типу к кейсом, а это наводит на некоторые грустные мысли – без кейса в руках ты малопривлекателен.

– Бывает же такое. – Горько усмехнулся про себя Глеб и хотел было уже оставить эту потускневшую в его глазах особу, как вдруг заметил, что она уж больно быстро сблизилась с тем ловким типом, который ей помог с сумками и рядом с собой присесть – она ему что-то время от времени, не поворачивая к нему своего лица, говорила, а он с непроницаемым выражением очень внимательно её слушал. – А так незнакомые друг с другом люди себя не ведут. – Сделал вывод Глеб, для которого все эти уловки влюблённых пар, на раз разгадываются. – Но какое им дело до этого типа

с кейсом? – озадачился вопросом Глеб, искренне не понимая зачем.

– Раз решили за чьей-то супружеской спиной так изобретательно по обманывать её, то зачем за зря время тратить на все эти отвлечения? Хотя может быть, это какой-нибудь дальний родственник супруга этой дамы или супруги этого молодчика, который судя по его длинному носу, любит его совать в чужие дела, а это значит, что осторожность не помешает. – А вот это своё объяснение всем этим поступкам гуляющим на стороне неверным супругам, Глебу показалось куда как обстоятельным. С чем он себя поздравил, ещё раз посмотрел на эту парочку, неверную своим клятвам на алтаре, затем бросил взгляд на этого длинноносого типа, в каждой дырке затычка, пробежался общим взглядом по рядам и с удивлением обратился к Тише. – Слушай, а у нас что, какой-то сегодня праздник с маскарадным уклоном?

– С чего это ты взял? – в свою очередь удивился Тиша.

– Да ты сам посмотри. – Сказал Глеб, кивая куда-то туда, в сторону от себя. Тиша же в свою очередь смотрит вперёд перед собой в пассажирское пространство вагона, где и вправду, некоторые из пассажиров, совсем не по погоде и не по местному историческому времени одеты. Особенно одна представительного вида компания, со своими костюмами тройками, с цепочками в жилетках и натянутыми на глаза мужчин гангстерскими шляпами, занимающих оба трёхместных сидячих ряда в одном купейном блоке, привлекла

внимание Тиши. При этом Тишу увлѣк не сам их внешний вид, а их необычное поведение.

Так кто-то один из них, через только им известный промежуток времени, по тому же очередному принципу, доставал из кармашка своей жилетки часы на цепочке, обстоятельно открывал крышку, смотрел на часы, а затем что-то (с Тишиного места ничего нельзя было разобрать) всем говорил. После чего кто-то следующий из этой компании, доставал уже свои часы, так же обстоятельно смотрел на свои часы, затем смирялся взглядом со своим предшественником, и, захлопнув практически одновременно с ним часы, убирал их, чтобы начать бодрствовать, тогда как предшественник, присоединялся к остальным, начав только для виду дремать.

– Кого хотите обмануть. Я-то прекрасно вижу, что вы притворяетесь и сквозь прищур глаз поглядываете по сторонам. – Решил Тиша, что его не провести на такой хитроумный фокус. Правда на чём основывались его эти утверждения трудно сказать, да и с чего он взял, что такая сверка часов имеет системный характер. Ведь судя по презентабельному виду этих граждан и даже господ, то они и часы у себя держат в карманах не простые, а всё известных швейцарских марок. Ну а то, что некоторые из них, таким демонстративным способом, через сверку часов подвергали сомнению их ход, то это только видимая часть правда, когда другая, что ни на есть истинная правда, говорит о том, что некоторые из этих господ, ещё не повзрослели, и им не даёт покоя жела-

ние поделиться с окружающим миром своим хвостовством.

– Любопытно. – Произнёс Тиша, заметив, что проявляющий бодрость господин, к тому же имеющий и другие отличительные характеристики, как зачесанные назад волосы и чёрные усы, проявляет повышенную внимательность ко всё тому же человеку с кейсом и длинным носом – на что обращать внимание, зависит от умственных предпочтений наблюдателя. Правда дальше его любопытство не пошло, а всё по причине появления в вагоне человека наполненного громким предложениями, которые не только самые эксклюзивные и предлагаются по самой сходной цене, но и каждый человек, а что уж говорить об искателе приключений, впервые попадающий в этот главный город на свете, да практически мироздания, просто обязан познакомиться с его главными культурными объектами и достопримечательностями. И всё это ждёт необременённого заботами пассажира по прибытию на конечную станцию, прямо не отходя далеко от вагона.

– Заинтересовались? – спросил Тишу этот вноситель культуры в массы, неожиданно оказавшись в пределах их купе.

– Не успел. – Только и сообразил, что ответить застаный врасплох Тиша.

– Тогда смею предложить брошюрку. – Чуть ли не вставляя брошюру в руки Тиши, сказал этот энтузиаст от культуры и был таков, скрывшись за дверьми ведущих в тамбур.

– Без определённого нажима на потенциального носителя

культуры, нынче, да и всегда, было нельзя. – Забирая у Тиши брошюру, сказал Глеб. После чего Глеб под внимательным взглядом Тиши перелистывает брошюру и, убедившись, что она перелистана полностью, – он её по переворачивал в обе стороны, – и сказав: «Не заинтересовал», – протянув брошюру Тише, собрался было её ему вернуть, как вдруг, к его полной неожиданности, в ход его действий вмешивается вышедший из своего фонового присутствия, тот больно разговорчивый человек с телефоном.

Правда предпосылки для его вмешательства ещё ранее возникли, и их только один Глеб пропустил мимо себя, тогда как Тиша, краем своего взгляда прекрасно видел, как этот человек впал в затруднение, после того как достал из кармана ручку, и все его последующие поиски свободной рукой по карманам, так ни к чему и не привели. Что приводит этого человека вначале к тому, чтобы сказать своему собеседнику: «Сейчас подожди», – а вслед за этим к обращению к Глебу. Где он, отталкиваясь на некоторые отличительные знания человека, не стал у Глеба что-либо просить, а в частности эту брошюру, а протянув ему свою весьма запоминающуюся ручку, – она была выполнена в двух тонах, чёрном с золотым обрамлением, где её крепление было инструктировано драгоценными камнями, а с торца, на колпачке ручки, была нанесена гравировка в виде амперсанда «&», – обратился к нему:

– Не сочтёте за дерзость, если я вас попрошу записать

адрес на бумаге, а то у меня память никакая, а записать не на чем.

Ну а Глеб всегда готов прийти на выручку нуждающемуся в помощи человеку, тем более отказать себе подержать в руках такую драгоценность, совершенно не представляется возможным сделать. И Глеб берёт протянутую ручку, которая оказывается куда как тяжелее, чем он представлял. А с этим прямо-таки необходимо поделиться с Тишей, чья физиономия, явно завидуя ему, не выражает радости, а вот упрёк даже очень.

– Что-то не так? – физиогномически спрашивает его Глеб.

– А всё не так. И главное то, что брошюру возможно надо вернуть, а ты тут на ней будешь черкать, а затем, наверное, ещё и рвать. – Одними нахмуренными бровями указал на поспешность действий Глеба Тиша. И, пожалуй, с этим Глеб, пока не придумал другого выхода, вынужден согласиться, что ведёт его к заминке. Правда и со стороны незнакомца с телефоном, вышло незапланированное им затруднение, и всё по вине его не стоворчивого собеседника, который, судя по тому, как себя непредсказуемо ведёт, однозначно был собеседницей. А уж с ними надо ухо держать востро, а иначе они быстро всё передумают и мгновенно изменят ход своей мысли в другую сторону. Чего скорей всего и не учёл этот незнакомец, чьёго промедления в записи ею продиктованного адреса для встречи, хватило ей для понимания недостойного её, проявления упорства со стороны этого медли-

тельного претендента на её внимание – а то, что он битый час заговаривал ей уши и так сказать, тратился на связь и воду, чтобы смачивать ею по иссохшее горло, то это для неё ничего не значит.

– Я же сказал, что пишу. – Откинувшись к себе на спинку стула, побледневшим лицом и голосом проговорил в трубку незнакомец. – Как это понимать, ты передумала? – А вот это с его стороны было лишним. И это поняли все без исключения находящиеся на соседних с ним пассажирских местах пассажиры, так сказать невольные свидетели окончания этого разговора, который после этих невыносимо самоуверенных в своей наглости слов незнакомца, тут же был в одностороннем порядке прекращён.

– Вот всегда она так. – Так грустно сказал это незнакомец, с недоумением посмотрев на трубку замолчавшего телефона, что сидящим вокруг пассажирам вдруг стало как-то неловко за эту прохвостку из телефона, которая совершенно своего счастья не видит, так жестоко ограничивая свой разговор с этим вполне себя нормальным ... И, кажется, очень знакомым для Тиши, и почему-то и для Глеба человеком. Который между тем, не даёт Тише и Глебу переглянуться, и зафиксировать этот факт знакомости, а так сказать форсирует события, начав что-то искать у себя в карманах пиджака, поочерёдно оттуда вытаскивая различного рода интересные вещи, среди которых к огромному удивлению Тиши и Глеба, оказывается и маленький блокнотик.

Правда Тиша и Глеб не успевают должным образом сделать оценку этому факту, как вдруг незнакомец вместе с рукой случайно вытаскивает из кармана зацепившуюся монетку, которая в тот же момент срывается и ожидаемо летит по-дальше прочь от своего хозяина, под сиденье, где сидел Тиша. И Тиша даже и подумать ни о чём не успел, а уже рефлекторно полез под сиденье за монетой. Чего не скажешь о Глебе и о кажущемся незнакомце, который в тот же момент резко приблизился к Глебу и что-то ему прошептал на ухо. Когда же Тиша физически, а рядом сидящие пассажиры зрительно, выбрались из под лавки, то их ждал полный благодарности взгляд незнакомца. И было за что. Ведь выскользнувшая из его кармана монета, была не просто миллионного тиража монета, цена которой одна копейка, а это была серебряная, достоинства средневекового талера монета, а ей цена, уже как минимум две серебряные копейки.

– Интересная монета. – Сказал Тиша, позволив себе как спасителю, покрутить монету в руке и по изучать её, уже где-то им виденное изображение этого гербового орла на монете.

– Для своего времени, самая обычная. – Сказал незнакомец, протягивая руку.

– А хотите знать, как она упала? – вдруг спросил Тиша незнакомца, протянув ему спрятанную в ладоши руки монету.

– Я не всегда полагаюсь на удачу. Да и к тому же, я знаю. – Загадочно сказал, улыбнувшись незнакомец, тем же незамет-

ным способом приняв монету у Тиши. После чего он убирает монету себе в карман, смотрит на не сводящих с него своего взгляда Тишу и Глеба, что требует от него хоть каких действий и он ничего другого не придумав, спрашивает их. – Вы знаете, что такое перцептивная слепота или по-простому слепота невнимания? – Правда незнакомец об этом у них спросил лишь для затравки своего разговора. И поэтому он не стал дожидаться, когда его оппоненты обратятся к своей памяти, в которой может быть и места нет всем этим знаниям, и продолжил говорить. – Это всего лишь психологическая неспособность обращать внимание на какой-либо объект, которой всю пользуются иллюзионисты в своих представлениях. Они используют какой-нибудь заметный раздражитель, который отвлекая ваше внимание от основного действия, тем самым позволяет иллюзионистам проводить фокус. Вот, например, тот тип у окна, который так живо привлёк ваше внимание своим кейсом. – А вот этим своим заявлением, незнакомец довольно сильно удивил Тишу – он почему-то не предполагал, что их разговор с Глебом окажется доступен и для других ушей.

Но с претензиями на вмешательство в чужие дела, можно повременить, пока не будет узнана цель нахождения этого незнакомца здесь. А то, что он не случайно здесь оказался, у Тиши не вызывает никого сомнения. И если он вспомнит, где он его мог раньше видеть, то это очень даже поможет делу. Правда, если ты сразу не вспомнил, то пока для этого

вновь не будут соблюдаться те специальные условия, или хотя дальний намёк на них, в которых произошло всё то, что ты забыл, то и стараться для этого нет большого смысла. Да и у Тиши, в общем-то, времени на это, как оказывается, нет. А всё потому, что цепь последующих событий захватывает его, и не даёт ему на чём-то одном остановить своё внимание.

Так первое, что захватывает общее внимание, так это прозвучавший звуковой сигнал оповещения прихода СМС сообщения. Что, конечно, не такое из ряда вон событие, но когда оно прямо сейчас касается телефона этого, всей душой за него переживают пассажиры, незнакомца, который так отчитался перед своим хозяином о приходе этой новости, то это незамедлительно вызвало брожение умов всего окружения незнакомца, из памяти которых ещё не выветрилось всё то вероломство, с которым отнеслась к нему та незнакомая для всех, но не для него, собеседница.

Ну а то, что это могло бы быть какое-нибудь информационное оповещение, то эту версию источника происхождения СМС, тут же все до единого опровергли, как не имеющую никаких должных оснований для своего существования, когда им всем крайне хочется знать о том, как эта вертихвостка наконец-то пожалела о своём поступке и, слёзно смачивая экран своего смартфона, принялась умолять простить его в своём СМС письме.

– Неужели, одумалась. – Сказал незнакомец, с удивле-

нием посмотрев на свой телефон, лежащий сбоку от себя, на сиденье. – Несомненно! – самоутверждающе посмотрели на незнакомца его соседи по купе. Впрочем, зная непредсказуемость поведения своей собеседницы, незнакомец не был столь уверен и он, явно ожидая всякого иного ответа, под общим зрительным вниманием к себе, берёт телефон, подводит его к себе, делает небольшую паузу и только после этого открывает пришедшее сообщение. При этом наблюдающие за ходом его действий, любопытные потому что они чувствительные пассажиры, не могут со своих мест заглянуть, что там написано у него в телефоне, а сам незнакомец не спешит всех обрадовать или наоборот, огорчить, и поэтому всем приходится испытывать нетерпение и прогнозировать пришедший ответ по лирике лица незнакомца.

– Неужели, всё показывает свой гонор? А я честно сказать, и не удивлён, при таких-то царящих в молодёжной среде нравах. Потаскуха, одно слово. – Сделал неутешительный, почему-то для себя вывод, перезрелого возраста гражданин, не заметив на лице незнакомца воодушевляющей на иные мысли улыбки.

– Несомненно, за это время она уже нашла другого. И теперь прислала ему отчёт о своём новом статусе, где ему теперь нигде места нет, а вот другому аппетитному мачо, во всех местах есть. – Недолго заморачивалась с выводами, сидящая в соседнем купе, вся пышная от любви себя в этой жизни, само собой блондинка, которая по своим жизненным

приоритетам и поступкам знает, как нужно поступать с теми, кто знает для них слово нет.

– Слабак и тряпка! Она его в самое дерьмо общих обсуждений макает, а он сидит и только голову повесил. Из-за таких как он хлюпиков, нас эти стервы не уважают. – Зверски посмотрел на незнакомца, сидящий напротив блондинки грозного вида тип, чья голова уже затекла от нахождения в одном боковом положении, на котором в свою очередь убедительно, с применением щипательных инструментов, настаивала его не менее грозная супруга, которая неожиданно для себя и для своего супруга обнаружила такую его близкую связь с сидящей напротив блондинкой.

– Степан, ты меня знаешь. – Стоило только супруге Степана обнаружить своё место в вагоне и такое к нему соседство в виде этой блондинки, как Степан в одно мгновение заподозрен в полном пренебрежении уставом семейной жизни, остановлен и ею на ухо внушён. – Одного взгляда на неё с твоей стороны будет достаточно, чтобы я превратила в ад всю твою дальнейшую жизнь и поездку всех этих по-своему добрых людей. И что спрашивается, должен был поделаться бывший спасатель Степан? Всё правильно, вспомнить свои навыки спасателя и спасти пассажиров этого вагона от грозившей им опасности со стороны своей супруги. Ну а то, что его шея затекла от того, что он, чтобы не смотреть на блондинку, отвернулся в сторону, то это ничего. И как только он попадёт в свой любимый бар, то там он мигом всё поправит,

свернув несколько попавших под руку шей.

– Хотя блондинка ничего. – Усмехнулся про себя Степан, радуясь за то, как он умело обманул свою до степени готов убить, что за ревнивую супругу, и уже не раз краем глаза посмотрел на блондинку. Которая в свою очередь, никогда бы не посмотрела в сторону этого мужлана, да ещё и с нервной коровой на цепи рядом с собой, но такое демонстративное игнорирование её аппетитами, это уж слишком, что само собой вызывает у неё борьбу за своё оскорблённое самолюбие.

– Сегодня какой-то мужлан воротит от меня свою морду, завтра ещё такого же рода прыщ. И кто знает, что будет дальше. Нет уж. Такого допускать претенциозно. – От внутреннего волнения и перспектив остаться без своего олигарха, к которым вели все эти размышления, блондинку перекосило и у неё задрожали губы. И если её перекося лица был зачётно принят супругой Степана, то вот дрожь губ, уже был принят на свой счёт Степаном, который вдруг весь вздрогнул и ощутил в себе уверенность подтолкнуть к вернейшему шагу свою супругу в открытую наружу дверь вагона, куда она заглянет, чтобы увидеть замеченного ранее Степаном зайца. – План, что надо. – Улыбнулся Степан и чуть не спалил себя перед своей супругой, которая на интуитивном уровне почувствовав, что тут что-то не так, и ей угрожает какая-то скрытая опасность, посмотрела на Степана.

– А он, потаскун, так и знала, лыбиться! – закипела супруга Степана, решив, что ему это даром не пройдёт. И ко-

гда они обратно поедут, и Степан будет как обычно в хлам, то она ему скажет, что забыла купить ему в дорожку пива, и он сам без её помощи тут же на ходу выйдет из вагона. – И тут зайцев никаких показывать не надо. – Сама не поняв, почему закончила свою мысль на этой фразе, супруга Степана сосредоточилась на Степане.

Но всё это, ни в какой степени не относилось к тому, что пришло на телефон к незнакомцу, который вдруг расплывается в улыбке и пока все наблюдатели ловят себя на ошеломлении, он вдруг его мгновенно приносит к сидящему напротив Тише, резко поднеся экран телефона к его лицу. Дальше следовало бы ожидать того, что Тиша выразительно возмутится такому панибратскому к себе обращению и, пожалуй, даже найдёт понимание не только у соседей по купе, но и во всём вагоне, тем более все резко повставали со своих мест, чтобы, как можно было подумать, встать на сторону Тиши, а не этого хамоватого попутчика. Правда, как прямо сейчас и выяснилось, то мир, как был жесток к своим представителям, так таким и остался, и Тише приходится рассчитывать только на самого себя. Ну а то, что пассажиры резко по вскакивали со своих мест, то объяснить их поведение очень даже легко, если посмотреть в окно вагона, где будет видно, что поезд прибыл на конечную станцию, вот все и принялись готовиться к выходу.

Ну а за всем этим столпотворением, как-то всеми быстро было забыто и не только то, что сейчас произошло, но и даже

лица своих временных попутчиков, с которыми так судьба их на время соединила.

– Наверное, так и должно быть. – Остановившись на перроне и, глядя вслед в спины спешащих по своим делам бывших пассажиров поезда и своих попутчиков, глубокомысленно сказал Глеб, тем самым оставшись верен самому себе и своему воззрению на мир, где всё predetermined и следует своему установленному порядку. – Они выполнили свою миссию, дополнив меня новыми неизвестными для меня знаниями, и всё это дала атмосфера совместного нахождения в вагоне, наполненной спёртыми и их застоявшимися, подчас слишком неразумными мыслями.

– Интересно. – Вдруг заявляет Тиша, тем самым возвратив Глеба к себе.

– Что теперь-то? – спрашивает Глеб, нехотя отвлекаясь от той странной парочки, – она таки и не отпускает от себя мольберт, а он всё же взял на себя часть её груза и нёс сумки («Там вино», – разумно для себя рассудил Глеб), – бесцеремонно решившей нарушить свои клятвы верности, данные ими своим вторым половинкам в приступе любовного аффекта, а значит, могут быть оспорены, хотя бы таким изменническим способом.

– Интересно куда теперь моя мысль меня заведёт. – Прямо-таки издевательски для ушей Глеба ответил Тиша, глядя вслед тому типу с кейсом, за которым по пятам, правда сохраняя безопасную дистанцию, шло то сообщество лю-

дей в костюмах тройках, впереди которых шёл тот последний из них, кто смотрел часы.

А уж куда эта пришедшая в голову Тиши мысль их завела, то об этом в этой главе и не хочется говорить.

Глава 3

Пока что только огоньки большого города.

В полном различного рода огней большом городе, а что уж говорить о самых больших и центральных городах, где без такого торжества электричества их представить и не представляется возможным, с их на все вкусы и опасности заманчивыми предложениями, следование правилу не быть мотыльком, часто бывает недостаточно для того чтобы не вляпаться в грязь, а уж что уж говорить о сомнительных историях.

И если в случае с грязью, будь вы даже крайне осмотрительны вступая на тротуар, то это всё равно не убережёт вас от пролетающих мимо лимузинов, которые всегда готовы дополнить такого рода недостаток на вашей внешности. Правда, если и в этом случае вы проявите чудеса ловкости и уклонитесь от встречи с освежающими брызгами, летящими из под колёс автомобиля, пролетевшего по луже, то их место не будут против занять, проявляющие крайнюю озабоченность своим здоровьем, а не чужим, полные жалости к себе и чихов к окружающим, господа с платками, которые на всех чхать хотели.

И вот тут-то вы вместе с нездоровыми брызгами на своё

лицо, получаете своё первое, но зато основополагающее знание – правило общежития стольких разных людей в одном, хоть и большом, но в таком тесном для многих людей городе. Правда вы, или в данном случае Тиша и Глеб, ещё не готовы были, вот так сразу принять все эти правила сосуществования, и демонстративно становиться своими в этом городе, чихая на всех подряд – они решили отстаивать свою индивидуальность и пока не смешивать себя с общей массой людей. К тому же их здоровье, как телесное, так и нравственное, пока что не было заражено всеми местными болезнетворными поветриями и находилось в должном порядке.

Хотя Глеб, будучи не таким как Тиша сдержанным и благородным, стоило только Тише ослабить за ним контроль, как позволял себе вести себя самым неподходящим для такого рода городов, непосредственным образом. Да вот хотя бы случай в метро, когда какой-то полный пренебрежения и полный чихов к окружающим (в данном случае имеются в виду фигуральные чихи), а в себе полный достатков господин, попытался воплотить на деле свои взгляды на жизнь и первоочерёдность себя в этой жизни, – он решил проигнорировать очередность входа в вагон метро и собой бесцеремонно оттолкнул хрупкую девушку, – как вдруг, неожиданно для всех и для него в том числе, оказывается, что он зря не слишком сильно держал в своих руках дипломат, который каким-то неожиданным образом, взял и отбил от его рук и вылетел в сторону, тем самым оставив этого удивлённого

господина вне борта вагона.

И нечего с таким растерянным видом смотреть на разлетевшиеся бумаги из упавшего дипломата и с таким нервным видом провожать смотрящего на него из окна вагона Глеба, который всего-то оказался в нужное время рядом.

– С таким подходом к жизни, мы быстро вляпаемся в какую-нибудь историю. – На этот раз Тиша не сдержался, и укорил Глеба за его слишком вызывающую не сдержанность. Но с Глеба, как с гуся вода, и он не только не признаёт, что был слишком открыто не аккуратен, а ещё хвастается.

– Зато смотри, как она на меня смотрит. – Тихо проговорил Глеб, кивнув в сторону той хрупкой девушки, которая не сводила своих глаз с Глеба, что и увидел Тиша, глядя в отражение окна вагона. И хотя с таким взглядом невозможно спорить, всё же они сюда приехали не просто так, наводить справедливость, – хотя, наверное, не без этого, – и поэтому с этого момента никаких больше отвлечений. Тем более за первые часы пребывания в городе, он столько уже натерпелся от этого неугомонного Глеба, с его своеобразным пониманием местных реалий, что уже нет никаких сил это терпеть.

– В тесноте, да не в обиде. – В один из моментов, когда они, следуя за тем типом с кейсом, который всё ездил нескончаемо по всем этим веткам метро, набились в один из вагонов того же метро, вдруг произнёс Глеб на ухо Тише. И не успел Тиша понять, что к чему, как этот провокатор

Глеб, берёт и щипает впереди стоящую, всю в чёрном, средневозрастную с такими же намёками на совершенство даму, с непременным аксессуаром у своего уха, телефоном, с которым она не прекращала делиться своим ужасным состоянием, в котором она сейчас находится, и всё по вине скотства окружающих её людей.

И, конечно, надо было видеть тот момент, когда дама в чёрном, вдруг ощутила на себе, в части своего зада, всю его буквальную близость к чьим-то рукам. Её в одно мгновение перекосило от непонимания случившегося, и она даже слегка тронулась, сообщив своей наперснице по телефону, об этом факте вмешательства в её личное пространство.

– Элла, прикинь, меня только что, кто-то ущипнул за зад. – Громко говорит по телефону эта чёрноокая дама с изящным именем Стелла, чем немедленно вызывает повышенный интерес к себе со стороны окружающих её людей и, конечно, самой Эллы, которая даже поперхнулась бокалом мартини от такой интригующей новости. И если Элле пока что пришлось недоумевать, как так получилось, что сухой мартини оказался мокрым, то серая, больше безликая масса окружающих Стеллу людей, ничего с ними не поделаешь, принялась делать в уме аналитические оценки факту случившегося.

Так наиболее многочисленная, в основном мужская часть пассажиров, придерживалась того мнения, что эта, со всей очевидностью видно, что ведьма, заслуживает не нежного

щипка за её костлявую задницу, а по ней для начала нужно пройтись батогами, а затем её непременно нужно отправить на костёр. То вторая часть невольных свидетелей случившегося, в основном женская часть пассажиров, позволила себе не поверить этой стерве, которая решила таким образом набить себе цену, наговаривая на ни в чём таком неповинных людей.

– Такой только палец дай, так она всю руку оттяпает. – Засунув руки в карманы, чтобы купировать все возможные подозрения на свой счёт, сделал свой аналитический вывод представитель ещё одного мнения насчёт этой дамы в чёрном, адвокат Гейрих. И, пожалуй, он поступил весьма предусмотрительно и разумно, ведь его наиболее близкое нахождение к задку Стеллы, внушали ему большие опасения насчёт этой дамы, которая как им уже чувствуется, непременно решит, что за этим щипком, даже если не лично, но, тем не менее, стоял именно он. Что позволяло так думать адвокату Гейриху, то тут не трудно догадаться, его обширная практика, опыт и знание психологии людей, ему подсказывало, что даже найдись тот сукин сын, кто посмел не спросивши, так трогать зад этой дамы, то она ни за что не удовлетворится этим, и потребует следственных действий у себя в квартире, с непременно участим его.

Между тем, пока в головах окружения Стеллы происходили все эти сомнения, её наперсница откашлялась и вопрошительно заволновалась. – И как ты думаешь, кто это может

быть? – с повышенным сердцебиением и, волнуясь за то, что таким удивительным образом со Стеллой заигрывает некий таинственный олигарх, нервно спросила Элла.

– Ну, я ещё не знаю. Я ведь с тобой разговариваю, и поэтому не смотрела ещё. – Своим ответом Стелла просто убивает Эллу, которая от нестерпимого любопытства даже пнула своего шпица.

– Так смотри скорее и обо всём мне говори! – орёт в трубку Элла и вместе со Стеллой, все присутствующие в вагоне люди её слышат.

– Сейчас начнётся мистификация. – В одно мгновение приуныл адвокат Гейрих, поджилками чувствуя, что он в первую очередь будет заподозрен в нарушении личного пространства этой дамы. И эта мистификация, со своими, полными любопытства зрителями, началась. Так Стелла, находясь на постоянной связи со своей наперсницей, каким-то немыслимым способом, правда только до этого момента, вывернулась (первая мистификация – вокруг неё стало вроде бы как не так тесно и можно было легко развернуться) и оказалась лицом к лицу с подозреваемыми на покушение на свою неприкасаемую без её разрешения личность.

– Ну что, кого там видишь? – не понимает Элла, кровно заинтересованная в том, чтобы Стелла не обошла её в погоне за своим беззаботным, дурачком олигархом. На что Стелла не сразу даёт ответ, а для начала решает присмотреться, чем погружает Эллу во внеочередной бокал мартини, куда всё же

привычнее и легче, чем в бездну умопомрачения.

Ну а перед выбором Стеллы оказываются Глеб, Тиша, адвокат Гейрих и ещё какой-то прыщавый юнец, который как всеми, в том числе и Стеллой думается, готов взять всю вину на себя и даже получить от Стеллы ещё одну близость в виде пощёчины. Но Стелла ещё не в том возрасте, чтобы хвататься за соломинку, и у неё ещё есть видные планы на себя, где места этим юнцам пока что нет. Вот когда у неё всё, кроме молодости будет, то тогда другое дело, а пока он вычёркивается из претендентов на её зад. Так что Стелла мгновенно, одним надменным взглядом на юнца вдавливая его в свои покрасневшие стеснения, и он, если бы не теснота нахождения, то в миг бы пал. После чего Стелла почему-то быстро минует своим взглядом окаменевших в лице Тишу и Глеба, отчего последний даже впал насчёт себя связанные с малой симпатичностью предубеждения, и пристально смотрит на адвоката Гейриха, который принялся щипать себя до боли через карманы брюк.

– То, что нужно. – Неосознанно вслух, подведя итог своему наблюдению, сказала Стелла, в один момент уронив со стула Эллу и в пятки сердце адвоката Гейриха, о чьих связях с самим дьяволом, небезосновательно ходили слухи, и он знал чем грозит встреча с ведьмой. А это была именно она. И возможно только прибытие на станцию, спасло на время Гейриха от ведьминога заговора, на которые они такие способные и он, воспользовавшись суматохой, умыкнул от неё.

– И что это такое было? – следуя по коридорам метро, нервно спросил Глеба Тиша.

– Школа жизни. – Усмехнулся в ответ Глеб, совершенно не чувствуя за собой никакой вины. – Учись быть своим для этого города. Где самое главное правило, с не пробивным на чувства лицом, сам с выкатом из орбит глаз недоразумей на всех. А иначе ты, хоть Анни физически и найдёшь, но вот отстоять её у того же города не сможешь. – И, пожалуй, Глеб упомянув Анни, сумел в чём-то убедить Тишу, который на время отстал от него и дал ему некоторую свободу действий, пока господин с дипломатом не оказался господином растерянным.

– Ну а кто всё-таки этот Дрейк чёрная борода? – вдруг спросил Глеб Тишу, после того как хрупкая девчонка потеряла всякую надежду и на одной из станций покинула вагон.

– Ему больше подходит именование, акула бизнеса. – После небольшого раздумья дал ответ Тиша.

– И чем он так зубаст? – спросил Глеб.

– Как будто и так не ясно. – Нервно ответил Тиша.

– Извини, я что-то сразу не подумал. – Сказал Глеб. – Ну, а кроме этого? – спросил после небольшой паузы Глеб. Ну а что ему может рассказать Тиша, если он с сам собою не до конца откровенен и честен, и что много чего, и так уже слишком живописал и сгустил краски на настоящие обстоятельства не совсем исчезновения Анни. А всё дело в том ... Хотя будет лучше начать с полученного Анни предложе-

ния от этого самого Дрейка, который и не Дрейк вовсе, – так его только Тиша прозвал, – а управляющий центрального отделения одного из крупнейшего Сити банка, мистер Анри Кирби. И уже понятно, что этот банк имел своё отделение у них в городке, где по своему жизненному стечению обстоятельств работала Анни.

Ну а раз допустимо одно стечение обстоятельств, то почему не иметь своё место и другому жизненному обстоятельству под названием совпадение, которое плавно вытекает из первого стечения обстоятельств, хотя в данном случае первоочерёдность возникновения этих обстоятельств не совсем ясно прояснена. Но всему своё время и прояснению тоже, когда сейчас эти обстоятельства сложились так, что этот Кирби, взял и оказался в этом крохотном отделении банка, находящемся в подчинённом положении к центральному отделению банка, которое в свою очередь находилось у него в управлении. И это всё не фантазии, которым был бы рад Тиша, а действительно случилось, и замеченная Дрейком Анни, а как её не заметить, раз и Тиша уже давно заметил, получила приглашение на стажировку, с прицелом на повышение, в центральный офис банка.

После чего и началась между ней и Тишей эта их своеобразная молчаливая компания по отстаиванию собственного мнения. Которая и закончилась уступкой Тиши, который как чувствовал, что на этом не закончится, и последние недели, с её остановками с ночёвками у новых подруг, в конечном

счёте, и привели к тому, что Анни, как уехала сначала недели, так до сих пор и не сочла нужным не то чтобы приехать, и толком всё объяснить, а хотя бы позвонить или же более информативно ответить на его звонки, а не как она каждый раз отвечает: «Потом всё объясню, сейчас мне некогда». И, конечно, такой ответ Анни не только не может устроить Тишу, а даже наоборот повергает в тревожное сомнение насчёт её честности ответа, а телефон в хлам при неожиданной для него резкой встречи со стенкой.

Вот и причина тому, что нервы Тиши не выдержали, и он всё так красочно для всех навывдумывал. И всё для того, чтобы самому сесть в поезд и, приехав к ней на новое место работы, во всём на месте разобраться.

И, наверное, знай о таких всего лишь неурядицах семейной жизни, а не заговоре против него этого Дрейка чёрная борода, то не то чтобы Глеб, да он и сам бы ни за что не встряхнул себя и не поехал в большой город. Впрочем, всё это не отменяет подлых намерений со стороны этого Дрейка по отношению к Анни. А это уже другое дело.

– Не знаю, что он забыл в нашем городке. Но зная их род деятельности, могу предположить, что он прибыл для какого-нибудь выгодного для себя поглощения. Что вполне связуется с их девизом по жизни «Поглощай и властвуй». – Нервно сказал Тиша, побледнев от представлений того, что на этот раз стало предметом его поглощений. – Сволочь, встречу убью. – Вдруг не сдержался Тиша и своей яростью

испугал, как Глеба, так и случайно оказавшегося рядом пассажира, который так и не привык к городским сумасшедшим, чьё количество в последнее время неимоверно возросло.

Но стоило только Тише так разнервничаться, как вдруг ему в голову приходит новая, потрясшая его прежние основы видения, полностью разориентировавшая его мысль. – А может всё это, только видимая, даже не часть правды, а прикрытая моим субъективным взглядом на происходящее, иллюзия. Когда на самом деле всё обстоит совсем не так, как я это представляю, составляя свою иллюзорную картинку происходящего. А настоящая, глубинная правда, заключается в том, что этот Дрейк или как его там зовут, Анри Кирби, всё равно негодяй и подонок, – иллюзия и правда для своей достоверности, всегда имеют свои общие точки пересечения, – не имея возможности проводить в жизнь свои преступные схемы и манипуляции у себя в центральном отделении банка, присмотрел этот, вдали от инспекций и проверок, неприметный, зато под рукой региональный офис. Где можно было бы практически бесконтрольно со стороны дирекции, проворачивать свои делишки.

– А для этого ему всего-то нужно, поставить своего человека на ключевое место в банке (при этом он очень осторожен и не решается напрямую действовать через директора отделения банка, а вот порекомендовать ему человека на освободившееся место может) и по-быстрому узнать обо

всех внутренних секретов – они всё-таки ограничены во времени и им все свои дела нужно повернуть до первой ежеквартальной ревизорской проверки. Так вот, в действительности почему, ему понадобилась Анни! – Потряс себя догадкой Тиша. – Он под предлогом заинтересованности банка в высококлассных специалистах и с нескрываемым намёком на собственную заинтересованность в спутнице жизни, которую он всю жизнь искал, и кажется сейчас, в её лице нашёл, на время переводит Анни в центральный офис банка, а сам тем самым ставит на её место своего человека.

– После чего ему не стоит большого труда выведать у полностью ему доверяющей Анни обо всех банковских тайнах в их отделении банка, и через своего подставного человека спокойно начать извлекать свою прибыль из этого положения. Ну а как только они по максимуму всё выжмут из этой ситуации, то Анни будет брошена этим негодяем Дрейком, и возвращена обратно на своё прежнее место, как не подошедшая для работы в головном офисе сотрудница. А там вскоре ревизорская проверка и ... – Сердце Тиши сжалось от боли при представлении находящейся в полной растерянности Анни, за которой пришли из полиции, чтобы сопроводить, как они всегда говорят, туда, куда надо.

– Я этого не допущу! – вновь вскипел, правда на этот раз про себя Тиша, глядя на спину того типа с кейсом, который придвинулся к выходу из вагона, а это говорило о том, что он собирался на выход. – Ах, вот оно что! – новая догадка

постигла Тишу, при виде спины этого типа. – Теперь-то всё встало на свои места. Этот тип однозначно замешан во всём этом деле и является своего рода курьером между Дрейком и его человеком из банка. Это он, по мере необходимости мотается в наш городок и привозит отчёты о проводимых им тайных операциях. А это значит, что мне ради будущего Анни, никак нельзя упускать из виду этого типа. – Теперь уже окончательно, Тиша утвердился в верности своего следования за этим типом с кейсом, за которым они с Глебом, по какому-то наитию, по выходу из поезда, до сих пор вслед шли.

Ну а сейчас, когда это всё получило такие свои должные обоснования, то процесс преследования этого типа получает свою осмысленность, и Тиша теперь как будто по-новому всё это видит и замечает многое из того, что до этого им игнорировалось и не замечалось. А именно присутствие здесь же в вагоне тех самых людей из поезда, которые в своё время привлекли внимание Тиши своим странным поведением со сверкой часов, и это совсем не было совпадением. И хорошо, что они с Глебом всё это время держались на почтительном расстоянии от объекта своего наблюдения, типа с кейсом, а иначе эти господа, заметив их, могли бы где-нибудь в тёмном переходе, задаться неудобными для них вопросами. А так они, пока что вроде не заметили их нахождения вблизи ведомого объекта и значит, в самый раз самому Тише задаться своими вопросами.

– И кто же они на самом деле? – задался вопросом Ти-

ша, немедленно спрятавшись за пышную причёску меломана в наушниках, что, пожалуй, было хоть и запоздалым решением, но своевременным, раз он ещё не был замечен. – И что их может связывать? – спросил себя Тиша, заметив, что из всей этой, всё-таки не в полном составе компании, сейчас состоящей из трёх человек, только один, тот самый с залезанными назад волосами, ведёт наблюдение за объектом с кейсом, когда другие двое, делают вид, что их в этом мире ничего не интересует, кроме себя.

– Может охрана? А может конкуренты или спецслужбы? М-да, дело становится очень интересным. – Подвёл итог Тиша и очень вовремя, так как поезд прибыл на станцию и двери раскрылись, чтобы быстро сменить наполнение вагона, и значит мешкать никак нельзя, если конечно не хочешь отстать от своих планов.

И только сейчас, столкнувшись в этой сутолоке лицом к лицу с тем прилизанным типом, Тиша понял, что вести незамеченным наблюдение не такое уж и лёгкое дело. И тут тебе не только могут спокойно ноги отдавить, но и так дать под ребро, что и продохнуть только по выходу из вагона и сумеешь. – Ах ты, гад! – вместе с выдохом, изрёк из себя эту глубокую мысль Тиша, согнувшись, чтобы отдышаться у одной из колонн метро. Но не факт получения удара под дых, да ещё и исподтишка, так сильно взволновало Тишу, а то, что факт случившегося указывал на то, что он с Глебом всё-таки был замечен теми типами, которые таким предваряю-

щим будущие их отношения способом, дали понять, что им не стоит совать свой нос, куда не следует.

– Можешь не говорить, я догадался кто это? – сказал Глеб, полным ненависти взглядом смотря вслед тому прилизанному типу. – И можешь не беспокоиться, я найду способ воздать ему должное.

– В своё время. – Сказал, выпрямившись Тиша. – А теперь за ними.

– А вот это по мне. – Ответил Глеб, выдвинувшись вслед за Тишей, который на этот раз решил проявлять большую осторожность и стараться не светиться. Что не сложно сделать находясь в такой толчее здесь в метро, а вот когда они вышли на улицу вслед за типом с кейсом, ведущим за собой столько людей, то здесь ситуация в виду обширности пространства несколько изменилась. И Тиша вместе с Глебом, а может быть даже и те типы идущие по своим пятам за типом с кейсом, были вынуждены признать, что этот тип с кейсом, по сравнению с ними определённо обладает несомненными преимуществами – он в волен в выборе своего пути, тогда как они вынуждены подчинять себя его воле и, несмотря на своё желание, которое может быть не имеет ничего общего с ним, не упуская его из виду, следовать туда, куда он захочет.

Вот, наверное, почему, следующий по пятам за объектом своего наблюдения наблюдатель, так придирчиво внимателен к нему, подмечая за ним не только всё что нужно для

оперативной обработки информации, необходимой для будущей разработки объекта, но и оставляя для своей мстительной натуры, примеченные за ним некоторые его недостатки, о которых даже его прожившая с ним сорок лет супруга не в курсе, а наблюдатели очень даже да.

– Если человек не способен на прямой взгляд, и с постоянством использует наклон головы при взгляде на окружающий мир, то он и в своих поступках придерживается всей этой уклончивости. – Сделал свой вывод Чейз, тот тип с зачёсанными назад волосами, остановившись вслед за типом с кейсом на углу двух стрит, который в свою первую очередь сделал остановку у уличной закуской на колёсах, чтобы купить себе какой-нибудь перекус.

– А может у него левое полушарие мозга, куда лучше развито и тяжелее. Вот он и вынужден так физически отражать тяжеловесность своей мысли. – Как обычно решил не согласиться с Чейзом его оппонент на этом поле дедуктивной деятельности, Дойль (это был тот тип с часами и шикарными усами, с которым сверял свои часы Чейз), который за всегда считал, что Чейз только как оперативник хорош, тогда как аналитик, он поверхностный.

– Ваша версия ни в коей мере не противоречит моей. – Заявил Чейз. – К тому же, если это всё так, и наш объект при принятии своих решений, склонен руководствоваться левым полушарием мозга, то тут сам собой напрашиваются свои логические выводы. Раз левое полушарие мозга отве-

чает за анализ и логику, со своими отлично развитыми вербальными и языковыми способностями, то можно предположить, что именно на них и опирается наш объект во взглядах на окружающее. – Чейз сделал паузу, чтобы по лицам своих спутников удостовериться в том, что они как минимум внимательны к нему, и при этом не критически, а в должной почтительной степени. Что в их случае, задача практически недостижимая, и глубокомысленные, с долей иронии физиономии спутников Чейза, Дойля и Кинга, не просто сами за себя говорят, но Чейзу даже сдаётся, что они когда-нибудь договорятся и не так как они того думают и хотят.

Что, – то, что они зрительно переговаривались между собой насчёт всего сказанного Чейзом, – в общем, так и было. И первым зачинателем этого разговора, естественно выступил Дойль, кивком своего носа в сторону Чейза, заявив: «Он всегда так. Я подам мысль, а он на её основе дальше развивает тему».

– А сам, наверное, даже об этом не подозревает. – Поправив на голове шляпу, таким ироническим образом ответил Кинг.

– Что поделать, слишком целеустремлён и порывист. – Почесав нос, дал ответ Дойль.

Чейз же разгадав своих спутников, но не до конца, а только в их критическом взгляде на него, решает смутить их своими познаниями в логическом мышлении.

– Так вот, я предположу, а вы, если сможете, то попытайтесь

тесь меня оспорить. – Вновь заговорил Чейз. – Если уж мы решили, что наш объект в своих поступках больше полагается на логическое мышление, то я исходя из этих данных, могу сделать насчёт него верный прогноз.

– Какой? – не сдержался и спросил Чейза удивлённый Кинг.

– Хотя бы насчёт его выбора в этой закусочной. – Воодушевлённо сказал Чейз.

– Вот как. – Произнёс Дойль, внимательно посмотрев на Чейза. – Интересно будет послушать.

– Ну, тогда слушайте. – Самоуверенно сказал Чейз. После чего повернулся в сторону объекта наблюдения, типа с кейсом, который манипулировал своими руками перед продавцом, указывая ему на предмет своего выбора, и наблюдая за ним, принялся своим комментариями подводить его к своему прогнозируемому выбору.

– Я предполагаю, что в данный момент, его выбор пока зафиксировался на двух основных предлагаемых в такого рода закусочных блюдах, хот-доге и бургере. – Чейз сделал паузу, чтобы дать возможность своим оппонентам возразить ему, чего, конечно же, не произошло, как и думалось Чейзом, чьи приведённые аргументы, были по его мнению, бесспорны. Что немало воодушевило Чейза, принявшегося с высоты своего логического ума расщеплять остатки самоуверенности в этих господах. – Что ж, раз так, то нам остаётся выбрать из этих блюд одно. Так вот, люди склонные в своих размыш-

лениях отталкиваться на правое полушарие мозга, полного фантазий и иллюзий, предпочли бы положиться на удачу и, вытянув из кармана монетку, всё отдать воле случая. – Чейз бросил прискорбный взгляд на Кинга, который судя по этому взгляду Чейза, непременно бы поддался этому искушению. – Мы же, люди аналитического склада ума, будем опираться не на волю случая, а на причинно-следственную связь, которая приведёт к единственно возможному в данном случае выбору. И это будет бургер. – Без всяких предварительных объяснений, ошарашил своих оппонентов Чейз. Чем немедленно вызвал в них рефлексию, с их желанием не соглашаться и противоречить его здравому смыслу.

– Не слишком ли вы, сэр, поспешны и скоропалительны в своих умозаключениях! – Скорее утвердительно, нежели вопросительным тоном, выразил своё несогласие Дойль.

– Объяснитесь! – со своей стороны нервно затребовал от Чейза развеять все эти туманности и загадки, большой любитель, но только не в случае самого себя, сам напускать тумана и задавать загадки Кинг.

– Всё очень просто. – Еле сдержался, чтобы не рассмеяться в лицо этим ни на что дедуктивное не годным господам, Чейз. – Просто я заранее изучил его предпочтения, наблюдая за ним тогда в ресторане быстрого питания, ещё до посадки в поезд.

– А если он уже сыт по горло всеми этими бургерами, и ему захочется разнообразить свой рацион? – мгновенно

контраргументировал встречным вопросом Дойль. И, пожалуй, это его предположение, как минимум выбивало десять процентов из вероятности осуществления прогноза Чейза. Но у Чейза как оказывается, и на это есть свой весьма доказательный аргумент. – О каком разнообразии вы, сэр, говорите. Когда, то и то, одна сухомятка.

– Что ж, не могу в этом с вами не согласиться, сэр. – Поникшим голосом заявил Дойль.

Но Чейз на этом не останавливается и своим новым открытием добивает Дойля. – К тому же он слишком суеверен, чтобы изменять своим привычкам во время проведения столь важного дела.

На что Кинг, в желании узнать, откуда у него такие конфиденциальные данные, вновь было дёрнулся рефлексировать, но не успел, а всё по причине оглашения приговора Чейзу со стороны Дойля. – Ну и ловок же этот сукин сын. Он взял хот-дог. – После чего наступает немая сцена, где онемевший взгляд побледневшего Чейза, насмерть приковался к объекту наблюдения, типу с кейсом, который запустив свои зубы в двойной хот-дог, выпустил из него наружу часть соусной смеси, состоящей из кетчупа и майонеза, а полные радости взгляды Дойля и Кинга, в это время были обращены уже на Чейза.

Так проходит трудно сказать сколько точного времени, если не смотреть на часы, но если отталкиваться от аппетита того типа с кейсом, то примерно тот промежуток времени,

который понадобился ему, чтобы с помощью съеденного хот-дога заглушить свой аппетит. Когда же он полностью поглотил в себя этот хот-дог и даже вытер руки, то только тогда Чейз пришёл в себя и то только благодаря тому, что к нему со своим нравучением обратился Дойль.

– Всё, наверно, так бы и произошло, как ты предположил. Но ты сделал, как оказалось, трагическую ошибку. Ты практически на нет, списал наличие у него правого полушария головного мозга. И даже если всеми твоими действия руководит и мотивирует левое полушарие, всё же никогда нельзя забывать о правом, которое всегда вносит свою лепту в твоё решение. – Сказал Дойль, дружески похлопав Чейза по плечу. После чего они, дав объекту своего наблюдения немного удалиться, направились вслед за ним. Ну а так как их путь лежал мимо той закусочной на колёсах, то Чейз, да и его спутники, не удержались оттого, чтобы по-быстрому заглянуть туда и для себя прикупить чего-нибудь перекусить.

И первым в качестве покупателя выступил Чейз, немедленно, потому что он очень спешит, потребовав ему продать бургер. И вот тут-то, в общем-то, самый обычный ответ продавца: «У нас только хот-доги продаются», – вводит в умственный ступор Чейза, а его товарищей, после небольшого осмысления слов продавца, в удивительно весёлое состояние духа, что не только свойственно столь с виду солидным господам, но и видеть со стороны продавца закусочной, ма-

ло понятно. Отчего он, побледнев от волнения за своё место работы, неуверенно задался вопросом. – Я что-то не так сказал?

– Всё так. – Поспешил его успокоить Дойль. После чего он пальцем руки поманил к себе продавца, и когда тот перегнулся через прилавок, таинственно спросил его. – А теперь сэр, с полным вниманием отнеситесь к моим словам и ответьте мне вот на что. Что первое спросил вас тот, подошедший к вашему заведению буквально перед нами, гражданин с большим носом? – То, что Дойль не стал в качестве характеристики упоминать кейс, то это и не нужно объяснять.

В ответ же продавец закуской, не стал увиливать и как-то выкручиваться, ссылаясь на свою плохую память, в которой совершенно не прослеживается ни один с выше упомянутыми характеристиками субъект, или на то, что это конфиденциальная информация, и он без ордера или добровольного денежного вспоможения с их стороны не раскроет рот, а тотчас в одно слово всё рассказал. – Бургер. – И этого хватило, для того чтобы Чейз обрёл дар речи и даже забыл взять оплаченный хот-дог.

– А вы с ним заодно. – Прожёвывая свой хот-дог, кивнув в сторону ведомого объекта слежения, совсем не понятно для Чейза сказал Дойль.

– Не понял? – спросил Чейз.

– Мыслите одним и тем же. – Сказал Дойль и на этот раз, имеющий свою категорическую точку зрения на Дойля Чейз,

не стал возражать.

Пока же следующая по пятам за типом с кейсом эта группа преследователей или если использовать сленг, топтунов, в чём они внешне, хоть и могут быть причислены к этой категории людей, но пока их цели не ясны, то так их можно называть лишь с натяжкой, и то лишь потому, что они не могут спокойно стоять на месте и постоянно топчутся, так вот, пока эта группа топтунов, таким несколько странным образом ведёт наружное наблюдение за своим объектом слежки, Тиша и Глеб в свою очередь следуют уже за ними, время от времени интересуясь сами у себя вопросами принадлежности этих довольно странных людей.

– Так кем же они всё-таки могут быть? – задался вопросом к себе Тиша, наблюдая из-за угла тех же стрит, за тем как двое из этих господ, с какой-то удивительной радостью потчивают себя фастфудом, тогда как третий их спутник, воротит физиономию от всех предложений продавца закуской на колёсах. – Для охраны человека с кейсом, они слишком беззаботны, а для представителей власти или спецслужб, слишком рассеянны. Правда этот вариант полностью исключать нельзя, хотя бы потому, что общее падение нравов, давно коснулось всех сфер жизнедеятельности человека.

– Тогда остаётся лишь то, что они, либо из каких-нибудь специальных служб, либо принадлежат к какой-нибудь конкурирующей преступной группировке, которая сильно не любит, чтобы кто-то без её ведома и без соответственного

отчисления процентов, зарабатывал в их сферах деятельности, например мошенничестве с ценными бумагами. А для этого они, для начала решают вычислить всю созданную цепочку, а когда выйдут на организатора этой бизнес-схемы, то предъявят ему счёт к оплате. – На этом размышления Тиши закончились, и не потому, что ему воображения не хватило, а потому, что объект слежки вывел всех следуемых за ним по пятам топтунов в предместье гостиницы. А только так и можно назвать прилегающую территорию к этой знаковой гостинице, одного вида которой, достаточно, чтобы понять, что в этом внушительном здании, вас ждёт пятизвёздочный домашний уют. И это так и было, о чём при входе в отель напоянала украшенная этим количеством звёзд, золотая табличка с названием этого отеля, «Плаза».

– Ого! – при виде того, что объект слежки напрямик направился в отель, присвистнули все, кто вёл наблюдение за ним.

– А у него губа не дура. – Очень верно заметил сэр Дойль, который сопоставив все факты, путём дедуктивной цепочки пришёл к этому трудно оспоримому выводу. С чем хотел бы не согласиться Чейз, но с очевидностью не поспоришь. Ну а раз так, то тогда можно хотя бы придраться к чему-нибудь другому или выразить сомнение.

– Это ещё ничего не значит. – Самоуверенно заявил Чейз. – И в пятизвёздочном отеле тоже есть скверные номера, находящиеся прямо над прачечной и с тараканами в мат-

расах.

– Вы в этом уверены, сэр? – посмотрев на Чейза, с сомнением спросил его Дойль.

– Несомненно, сэр. – Невозмутимо заявил Чейз, свирепо смотря в ответ на Дойля.

– Тогда из всего вами сказанного, можно сделать два логических и при этом прискорбных вывода. Где единственное, что, несомненно, так это то, что вы в обоих случаях были очевидцем этих событий. – Дойль сделал паузу, глядя на Чейза, который в тревожном предчувствии, вдруг почувствовал себя не комфортно, но пока Дойль не озвучил свою мысль, ему ничего не оставалось делать, как стоять и ждать для себя приговора. И он немедленно последовал.

– В первом случае, – заговорил Дойль, – а на это наводит всё вами сказанное, вы какому-то своему сомыслию, на что намекает присутствие в вашей голове тараканов, оказались в расшатанном состоянии в одном из номеров этого отеля. Что вас туда привело и что вы там делали, то это дело десятое, но то, что вас там трясло так, что часть тараканов, вытрясло из вашей головы прямо на матрас, то это не противоречит всему вами сказанному. – Дойль на этот раз вынужден был себя прервать, а всё потому, что Чейз не просто смертельно побледнел от услышанного, а может и от памятливых воспоминаний того умопомрачительного вечера, а пошатнулся на ногах, и Дойль вместе с Кингом был вынужден броситься ему на выручку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.